

18+

Щурова Светлана

Песчинка на ветру

Светлана Щурова
Песчинка на ветру

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Щурова С.

Песчинка на ветру / С. Щурова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Когда ты выбираешь между двумя мужчинами - сильным и нежным, будь осторожна. Под покровом нежности может спать Дракон. Если ты его приручишь - не вздумай его бросать. Проснувшись и разозлившись, он может ждать годами и копить внутри себя яростный огонь. Однажды он вырвется и сожжёт вокруг всё, что тебе дорого, а ты сама окажешься в золотой клетке. Можно ли убить Дракона и вырваться на свободу? Несомненно, стоит лишь сорвать с него покрывало нежности и заглянуть в его безжалостные глаза. Но как потом жить на выжженной земле?

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	39
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	44
Глава 19	45
Глава 20	48
Глава 21	50
Глава 22	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Светлана Щурова

Песчинка на ветру

ЧАСТЬ I

Глава 1

Зима в этом году завораживала – весь город покрыли огромные пушистые сугробы, а снег всё падал и падал, окутывая крыши домов, мостовые, проезжающие мимо машины белой мягкой пеленой, создавая иллюзию сказки. И казалось – вот-вот из-за угла покажутся серебряные сани Снежной Королевы и умчат тебя далеко-далеко, на окраину мира, в ледяной дворец.

Шла последняя неделя декабря. На кухне обычного панельного дома сто двадцать первой серии в спальном районе города N не было той предпраздничной суеты, что присуща последним дням уходящего года. Возле окна, на диване, вытянувшись во весь рост, лежал крупный рыжий кот и громко мурлыкал. Что доставляло ему удовольствие – звуки «Вальса дождя» Фредерика Шопена, тихо доносившиеся из маленького радио на подоконнике, или аромат борща, доходившего на плите? А может, рука девушки, время от времени поглаживающая его густую шерсть? В коротеньком домашнем платице, поджав под себя ноги, обладательница столь привлекательной для кота руки сидела за столом и что-то рисовала. Взгляд её глаз, чистый и слегка наивный, устремился чуть вверх, замер и затуманился. Зрачки расширились. Лёгкая улыбка легла на лицо. Перед вами Валерия Романцова, семнадцати лет от роду, студентка первого курса института искусств.

– Лерочка, доченька, мы ничего не забыли? Всё собрали? – худенькая маленькая женщина, несмотря на измождённый вид, была очень красива. Стоя у плиты, она добавила в кастрюлю лавровый лист и закрыла крышку.

– Мамочка, ты что-то спросила? – девушка слегка встряхнула головой и посмотрела на мать.

– Да, солнышко, я спросила, всё ли мы собрали. Ничего не забыли?

– Нет, ничего. Я проверила уже несколько раз. Всё по списку. Мам, я буду скучать! К этому невозможно привыкнуть! Без тебя так пусто в доме! – девушка, такая же хрупкая и невысокая, как и её мать, закрыла блокнот, надела тапочки и встала с дивана. Кот недовольно рыкнул, перекатился на другой бок и невозмутимо начал вылизывать лапу.

– Всего пару недель! Не волнуйся, ты уже большая девочка, к самостоятельности приучена. Будем видеться по выходным, – Нина Александровна обернулась к дочери.

Они были очень похожи: правильный овал лица, большие глаза цвета чистого изумруда. Непослушные кудряшки дочери и пучок на затылке матери – русого цвета. Лишь розовые губы Валерии создавали контраст с бледными губами Нины Александровны. Опухоль в мозге, которую обнаружили у женщины несколько лет назад, пока не увеличивалась, но временами причиняла сильную головную боль. Раз в полгода, по наставлению врачей, мама Валерии ложилась в больницу на обследование.

Учительница начальных классов Романцова Нина Александровна на протяжении вот уже пятнадцати лет была лучшим преподавателем средней школы номер тринадцать. После смерти мужа она ещё больше погрузилась в любимую работу. Ответственная и пунктуальная, она и в этот раз ложилась в больницу на время каникул, чтобы к началу второго полугодия снова быть в строю и продолжить обучение своих третьеклассек.

– По выходным? И только? – Валерия, с глазами, наполненными слезами, сильнее обняла мать и шмыгнула носом.

– Лерочка, доченька, ты же учишься! Я не хочу, чтобы ты тратила на меня своё время. Я даже настаиваю, чтобы в будни ты ко мне не приходила. Учись! Это главная твоя задача на несколько лет! – как всегда прямо держа спину, она подошла к дочке и обняла её. – И не надо грустить! Подумай о том, что ждёт тебя через пару дней!

Валерия улыбнулась, когда её взгляд устремился в глубину комнаты. Там на ручке шкафа висело длинное синее платье, декорированное вышивкой, а под ним, на высоких каблуках-шпильках, стояли бархатные туфельки цвета вечернего неба.

Уже несколько недель девушка жила в предвкушении праздника. С того самого момента, как её лучшая подруга вихрем ворвалась к ним в дом и с порога, на ходу снимая шубку, затараторила:

– Лерочка, дорогая! Ты просто не можешь мне отказать! Я так хочу, чтобы ты согласилась! Хочу, чтобы ты пошла вместе со мной к Славке! Он устраивает у себя вечеринку! В самый Новый год! Представляешь – Новый год! Новые знакомства! Новые впечатления! Это же так замечательно! Ну же, милая, скажи, что согласна!

Людмила уже подбежала к Валерии. Она была немного выше, шире в кости. Взяла Леру за руку. Наклонила голову, пытаясь заглянуть подруге в глаза.

– Ну, что скажешь?

– Милочка, пожалуйста, объясни поспокойнее, – Валерия смотрела на Людмилу. – Это тот самый Вячеслав, с которым ты встречаешься?

– Именно! Тот самый! – Люда ходила по комнате и усиленно жестикулировала. – Ты видела его не раз. Я столько про него говорила! Родители подарили ему квартиру. Теперь он живёт один, работает в милиции. Он добрый, порядочный... В общем, положительный чел! – Людмила перевела свои медово-карие миндалевидные глаза на маму Валерии. – Ниночка Александровна! Отпустите Валерию! Я обещаю – с ней ничего плохого не случится!

Мама Валерии наблюдала за происходящим, прислонившись к краю дивана.

– Людочка, я тебе верю. Доченька, – женщина посмотрела на Валерию и улыбнулась, – почему нет? Пора выходить в общество! Я не против!

– Мама, спасибо! – Валерия подбежала к маме, обняла её и поцеловала. – Я так счастлива! Меня пригласили! Словно Золушку на бал! – она закружилась по комнате.

– А что же Золушка наденет? Давай посмотрим, что у тебя есть! – Люда, уже успевшая сесть на диван, соскочила с него, трянула густыми тёмными волосами и направилась к шкафу.

Валерия перестала кружиться. Её брови удивлённо приподнялись, а затем опустились вместе с уголками губ.

– Ну что ты, доченька, – Нина Александровна подошла и погладила её по голове. – Я стану твоей феей! Платье мы сошьём, а вот туфельки... Туфельки придётся купить! Думаю, они и станут моим подарком тебе на Новый год!

Валерия оторвала взгляд от готового праздничного наряда и вернулась в настоящее. Её глаза снова стали влажными. Она посмотрела на мать.

– Мама, я тебя так люблю! Скажи мне, тебя вылечат?

– Ну что ты, девочка моя! Конечно, вылечат! – в голосе женщины была непоколебимая уверенность. – Вы-ле-чат! Даже не сомневайся.

Она опустила руки, обнимавшие дочь, и подошла к плите. К горлу подкатил ком. Сглотнула, прикусила нижнюю губу. Сделала глубокий вдох, выдохнула. Улыбаясь, повернулась к дочери:

– Обед готов! Прошу к столу!

Глава 2

Наступил долгожданный канун Нового года. Если ты, мой дорогой читатель, веришь в судьбу, то события, начавшиеся с этого вечера, можно назвать судьбоносными для нашей героини. Если же ты придерживаешься противоположного мнения и считаешь, что всё в собственных руках, поговорим об этом после прочтения книги.

* * *

Людмила и Валерия переступили порог квартиры Вячеслава Погодина. Массивная дверь закрылась, поток воздуха устремился внутрь. Стекланные шариком на потолке коридора, висевшие на разноцветном дождике, пришли в движение. Они раскачивались из стороны в сторону, словно стрелки множества маятников. Пространство вокруг наполнилось световыми зайчиками, скачущими по всему пространству коридора. Девушки сняли верхнюю одежду. Переобулись. Людмила, услышав знакомые голоса, умчалась к ним. Валерия посмотрела в огромное, от пола до потолка, зеркало, поправила причёску и, набрав в лёгкие воздух, распахнула двери гостиной.

Она увидела, словно на картинке из праздничной открытки, большую комнату, украшенную гирляндами и мишурой. В центре – несколько пар, двигающихся в такт приятной тихой музыке. У окна, задёрнутого плотной портьерой, – праздничный стол, уже сервированный закусками. Чуть левее от него – большую пушистую ёлку. Огоньки на ней, словно тысячи светлячков, то медленно, то быстро бегали по веткам. Рядом с елью – огромный диван. На нём – компанию из трёх человек, с оживлением ведущих беседу. А в кресле, стоящем тут же, у дивана, непринуждённо сидящую девушку, с интересом листающую журнал в яркой обложке. Молодой человек лет двадцати пяти, крепкого телосложения, увидев Валерию у порога гостиной, подошёл к ней и взял за руку. Затем провёл рукой по своим густым каштановым волосам и громко проговорил:

– Минуту внимания!

Все гости посмотрели на хозяина квартиры, Вячеслава.

– Хочу представить вам эту прекрасную девушку. Знакомьтесь – Валерия!

Он немного сжал её руку, понизил голос и обратился только к ней:

– Я рад, что ты согласилась прийти. Надеюсь, тебе здесь понравится.

– Слава, спасибо, мне уже нравится! – глаза Валерии сияли.

В это время из кухни вышел и твёрдой походкой направился в зал высокий черноволосый юноша. Вячеслав, увидев юношу, улыбнулся и подвёл Валерию к нему.

– Лерочка, познакомься, это мой лучший друг Максим... – Слава посмотрел на Леру и уточнил: – Можно просто Макс. Я верно говорю, дружище? – он перевёл взгляд на юношу.

– Да, конечно, лучше просто Макс, – повторил молодой человек. – А ты – Валерия? – пронзительный взгляд его сине-голубых глаз замер в ожидании.

– Лучше просто Лера, – ответила девушка и улыбнулась.

Макс улыбнулся в ответ. «Очаровательный голос, фигурка... И никакого жеманства! Я в восторге! – он нехотя отвёл взгляд, замешкался и отправился за Славой. – Вечер становится интересным».

Лере предложили сесть на диван, чашечку кофе, и она стала впитывать в себя атмосферу праздника. Приятная медленная музыка, запах хвои, ёлка, украшенная гирляндами, переливающимися всеми цветами радуги, весёлые лица гостей – она растворялась в ощущениях. Затем

достала из сумки блокнот и карандаш, сделала несколько набросков. Её ладонь накрыла чья-то рука. Девушка подняла голову. Около неё стоял синеглазый Макс.

– Можно пригласить тебя на танец?

– А если я отвечу «нет»? – девушка с любопытством посмотрела на юношу.

– А ты ответишь «нет»? – он посмотрел прямо в изумрудные глаза.

Валерия покраснела, но глаз не опустила.

– Даже если и так, – продолжил он, – я буду вынужден применить силу. Юные девушки не должны сидеть на диване, когда звучит такая красивая музыка!

– Не надо ничего применять! Я и сама люблю танцевать. Подожди, дорисую, – она опустила глаза, и карандаш быстро-быстро задвигался в проворных пальчиках.

Максим посмотрел на рисунок.

– Ух ты! Отлично получается! Ты художник?

– Пока нет, я только учусь, – улыбнувшись, сказала Лера.

– А меня можешь нарисовать? – с вызовом спросил юноша.

– Да запросто! – отпарировала Лера и перелистнула блокнот.

Лёгкие движения карандаша. Несколько взглядов на Макса. Штрих за штрихом.

– Вот, – она протянула рисунок юноше.

– Неужели я так выгляжу? Так... привлекательно? – сказал восхищённо Макс, глядя на карандашный набросок.

– Можно и более привлекательно, – девушка добавила глубину глазам, нарисовала небрежную чёлку, чуть округлила скулы.

Юноша, не в силах оторвать взгляд, следил за каждым движением карандаша.

– А можно и так, – карандаш, словно волшебная палочка, парил в руках.

Чуть больше морщин, немного щетины на щеках, глаза ещё глубже.

– А это ты лет этак через пятнадцать, – Лера протянула рисунок и посмотрела на Макса. Он был зачарован. Только что из красивого юноши эта девушка сделала не менее красивого мужчину всего лишь несколькими набросками карандаша!

Слова застряли где-то в середине груди.

Валерия положила блокнот и карандаш на диван, взяла ошеломлённого Максима за руку:

– Ну что, теперь пойдём танцевать?

Его руки мягко легли на её талию, она положила свои на его крепкие плечи. Волнение пробежало по телу ознобом. Первые неловкие движения в такт музыке, затем уже более уверенно они закружились в медленном танце. Он что-то говорил ей на ушко, но Лера не слышала, она лишь смотрела в его глаза, в этот сине-голубой бездонный океан.

Танец закончился. Всех пригласили к столу. Наступило время новогодних тостов, весёлых и серьёзных пожеланий на следующий год. Пузырьки шампанского приятно щекотали горло.

Под бой курантов все гости встали из-за стола и подняли бокалы. Звон хрусталя, радостные возгласы: «Ура! Новый год наступил!» Максим пытался поймать взгляд Валерии. Ему это удалось, и девушка увидела, как его зрачки увеличились. Часы уже перестали бить счёт, но Лера и Макс продолжали стоять и неотрывно смотрели друг другу в глаза.

Вячеслав тронул Максима за плечо:

– Дружище, всё, новый год наступил! Пошли пускать фейерверки!

Макс вздрогнул от прикосновения, тряхнул головой. Улыбнулся сам себе.

Валерию уже увлекла за собой Людмила. Она что-то говорила ей полупшёпотом. Лера слушала, застёгивая пальтишко и наматывая шарфик поверх него. Так они и скрылись за дверью, одна – молча, потупив взгляд, другая – что-то непрерывно рассказывая.

Двор заполнялся людьми. На их лицах цвели улыбки, глаза светились радостью. Все поздравляли друг друга, обнимались и желали одного и того же – любви и счастья. В воздух

взлетели петарды, ракеты, хлопушки, ленты серпантина и конфетти. Небо рассыпалось сотней звёзд! Они увеличивались в размерах, меняли цвет и исчезали, оставляя на небе туманные облачка. Это феерическое зрелище происходило из года в год, снова и снова, но каждый раз – подобно волшебству.

Лера скинула с себя оцепенение последних минут. Каждая новая вспышка отражалась в её глазах и дарила радость. Она восторженно кричала вместе со всеми при очередном звуке взлетающих огней, снова и снова поднимая глаза к небу. Прошло не менее получаса. Всё реже и реже небо освещалось фейерверками. Мороз крепчал.

Гости вернулись к новогоднему столу. Валерия сделала один глоток шампанского. Тепло разлилось по всему телу. Она ощутила невероятную лёгкость и, приняв приглашение на танец, закружилась с очередным кавалером под звуки вальса. Её лицо покрыл нежный румянец, глаза сияли, словно две звезды. В каждом её жесте, в каждой улыбке – детская радость. Она полностью отдалась своим ощущениям. Макс не вставал из-за стола, он весело что-то обсуждал со своими друзьями. Украдкой смотрел в её сторону. Девушка не замечала ни его, ни кого бы то ни было – она была счастлива.

После очередного танца Лера вышла в коридор и посмотрела в зеркало. В отражении, напротив неё, стояла принцесса в длинном платье, раскрасневшаяся, с полуоткрытым ротиком и выбившимися из причёски прядями. Она подняла руки к голове. Особа из зеркала сделала то же самое. Открыла незабудку-диадему, и волосы заструились по плечам русыми волнами. Глядя на своё отражение, собрала все пряди вместе, поднесла заколку к волосам.

В отражении появился Макс. Он приближался. Валерия резко обернулась, волосы снова разметались непослушными кудрями по лицу. Юноша притянул её к себе, обнял и страстно поцеловал.

Глава 3

В первой декаде января в маленьком городке под названием Троицк, что находится в ста пятидесяти километрах от города N, в одной из шести престижных трёхэтажных «сталинок» открылась дверь.

– Мама, папа, Максим приехал! – черноволосая девушка лет пятнадцати бросилась на шею брата. Рядом, восторженно лая, прыгала собака.

– Ленусик, ну ты и вымахала! Задушишь же! – Максим поцеловал сестру в щёку. – Сейчас разденусь – и берегись! – он дёрнул девушку за толстую косу.

Лена немного отстранилась, но не ушла. Её карие глаза светились радостью, глядя, как Макс снимает одежду.

– Нора! Собаченция моя! Соскучилась? – он потрепал большую немецкую овчарку по холке.

Подшли родители. Юноша обнял сначала отца – высокого мужчину с отличной фигурой и военной выправкой, затем мать – пышущую здоровьем женщину с большой грудью и полными бёдрами.

– Вот вам гостинцы из большого города, – протянул матери коробку и свёрток. Прошёл в комнату, сел в своё любимое кресло у окна.

Посередине комнаты, вдоль дивана, большой стол ломился от блюд. Чего тут только не было! Грибочки под маринадом, всевозможные салаты, заливные, рулеты, копчёности... Даже если у вас и не было аппетита, после взгляда на этот стол, уверяю, он тотчас бы появился!

– Братик, ну расскажи, как ты? Как встретил Новый год? Как работа? Расскажи про преступников! Про тайные заговоры! Метод дедукции! – Леночка села на диван.

– Доча, оставь брата в покое! Дай хоть передохнуть! Твой Шерлок Холмс приехал на все выходные. Будет ещё время поболтать. Иди матери помоги на кухне, – приятным глубоким баритоном проговорил отец.

Девушка нехотя встала с дивана и ушла на кухню.

На плите, заставленной кастрюлями и сковородками, что-то скворчало, кипело и пузырилось. Надежда Степановна, розовощёкая, в клетчатом серо-синем фартуке и белой косынке, виртуозно орудовала большой ложкой в правой руке и лопаткой в левой. Помешивала, переворачивала, постукивала и причмокивала.

– Мамуля, чем я могу помочь? – спросила Леночка, подойдя к кастрюле и втягивая ноздрями запах.

– А, милая, возьми вот эту тарелку, сейчас будем стол накрывать.

В это время в комнате Анатолий Иванович, высокий, с короткими, чёрными, запорошенными сединой волосами, сел рядом с сыном.

– Смотрю, всё у тебя хорошо, – глубоко посаженные голубые глаза посмотрели на Макса.

– Да, отец, всё отлично! Машина вот только стала подводить. Старенькая уже, к лету поменяю. Раз не надо на квартиру копить, можно поновее машинку взять.

– Хорошее решение. Конь у мужчины должен быть всегда крепкий, безотказный. Моя «Волга» вон уже сколько служит! Отличная машина!

В комнату зашла Надежда Степановна, жизнерадостная, сияющая. На круглом лице с тонкими бровями её большие карие глаза жили, казалось, своей жизнью. Они двигались то вправо, то влево, словно кто-то дёргал за невидимые ниточки, привязанные к глазным яблокам. Фартук и косынку она сняла. Вокруг головы желтовато-белым облаком, аккуратно завитые, расположились кудряшки. В руках дымилось жаркое в огромной фаянсовой кастрюле.

Поставив главное блюдо на середину стола, она взяла в руки большую поварёшку и уверенно разложила по тарелкам ароматное кушанье.

– Леночка, поставь графин сбоку. Ребята, компотик разбирайте! – Надежда Степановна разлила напиток по стаканам и села, расправив подол платья, крепко держащего бёдра.

– Ну что, сынок, как жизнь? Кажется, чуть похудел... Чем ты питаешься – небось, бутербродами? Когда ж ты у меня женишься? Пора, пора уже! Невесты-то, небось, косяками ходят? – мать лукаво посмотрела на сына.

– Если бы так! Я пока в процессе поиска. Знаешь же, мне самую лучшую подавай! – Максим попытался перевести всё в шутку.

– Неужели совсем-совсем никого нет на примете? – женщина не обратила внимания на попытку отшутиться.

– Мам, ты как в воду смотришь. Есть одна. Познакомился в Новый год, – глаза Максима загорелись и устремились вдаль. – Красивая! Такая вся хрупкая, сама нежность. Художницей будет. И имя у неё особенное – Валерия...

– Братик, ты что, влюбился? – Елена положила обе руки себе на грудь. – По-настоящему? Максим многозначительно посмотрел на сестру.

– А что, можно влюбиться не по-настоящему?

– О, интересно-интересно! – глаза Надежды Степановны снова запрыгали, словно зверьки в клетке. – Привози к нам знакомиться! Всегда рады твоим друзьям. В детстве-то их у тебя практически не было – с нашими-то переездами. Сколько школ ты поменял, пока мы переезжали из города в город? – глаза остановились где-то в левом верхнем углу, у окна, рядом с тяжёлыми бордовыми шторами.

– Сейчас и не вспомню, – улыбка сошла с его лица. – Я научился ни к кому не привязываться, – Максим тяжело вздохнул.

Нора, словно почуввав настроение юноши, подошла и положила свою голову ему на колени.

– Ну вот, мать, расстроила сына! – отец укоризненно посмотрел на Надежду Степановну.

– Пусть и не было у него друзей, – оправдываясь, начала мать, – но когда родилась Леночка, вспомни, как он изменился! И пелёнки менял, и кормил из бутылочки... Только он умел успокоить её! Возьмёт на руки, она сразу замолкает и тянется к нему обниматься. И из ложечки-то он её кормил! Ленка вся увозюкается, плюётся, руками машет, а он, терпеливо: «Скушай ещё ложечку за маму, за папу!» Сказки на ночь рассказывал, вот умора! Она глазёшки раскроет, прислушивается. Я ему: «Она у тебя так сроду не заснёт. Ты ей что-нибудь спокойное рассказывай, чтоб в сон клонило». А он всё про сражения, про подвиги... А первое слово! Вспомни: не «папа», не «мама» – «б'ат!» А кто её научил читать? Максим. Кто по математике подтягивал? Максим. Мы ему деньги на школьные обеды давали, а он кукол ей покупал!

– Потому что Леночку не надо было оставлять в прошлом, как других. Полюбил я её, всем сердцем полюбил! – Макс обнял сестру, которая уже сидела на подлокотнике дивана, между ним и отцом. На лицах обоих, сестры и брата, появились одинаковые блаженные улыбки.

– Давайте-ка я чаю принесу! Пирог сладкий мы с Ленусей испекли, как ты любишь – с яблоками и корицей. Леночка, достань из серванта чашки, – Надежда Степановна ушла в кухню, прихватив с собой опустошённые тарелки из-под жаркого.

Елена быстренько подошла к серванту, стоящему напротив дивана, достала четыре чайных пары, расставила на столе.

– Братик, а мы с тобой ходим в кино?

– Конечно, ходим. Сейчас чаю попьём и сразу пойдём!

– И ты мне расскажешь всё-всё про свою Валерию!

Разливая ароматный чай по кружкам, Надежда Степановна тараторила:

– Я так рада, что всё у нас налаживается! Ты приехал, сыночек. С девушкой познакомился! Лена – молодец, старается, учится. Даже отец снова стал прежним! Вспомни – как

вышел в отставку, так за несколько месяцев превратился из жизнерадостного вояки в мрачного молчуна. Уж не знала, что и делать! Слава богу, нашёл работу! Я и не думала, что отдых так повлияет на него.

– Не отдых, Надюша, – безделье. Ну не могу я дома сидеть! Газету с утра прочёл, в магазин ходил. Что дальше? Стирать, гладить, щи варить? Или на диван завалиться и телик смотреть? – Анатолий Иванович отпил из чашки. – Не по мне такая жизнь! Конечно, это не армия, но я не зря небо копчу. Мужчина должен работать, до самой смерти. Иначе загнётся раньше времени, зачахнет в четырёх стенах. Нам простор нужен, поле для деятельности!

– Чем на работе занимаешься? – Максим посмотрел на отца.

– Чем занимается заместитель директора по профессиональной подготовке? Догадайся, включи дедукцию. Ну? – Анатолий Иванович посмотрел на сына, хитрые искорки пробежали по глазам.

– Судя по названию должности, готовишь молодую смену. Физподготовка, стрельба, дисциплина... Почти как в армии. Я прав?

– Абсолютно! Добавить нечего. Во, жена, видала? Метод дедукции! – с гордостью окинул взглядом всех домочадцев.

– Ты в отличной форме, отец! Чем-то ещё занимаешься?

– Бегаю по утрам. До стадиона, там несколько кружочков и обратно. Если бы не это, разнесло бы меня, вон кормят-то как! – и он показал глазами на пирог. – Ленку зову с собой, да она всё отговорки ищет: то вставать рано не хочет, то холодно, говорит. Скоро два колобка по дому будут кататься! – он посмотрел на мать и дочь.

Елена покраснела, вздохнула и отодвинула тарелку с куском пирога.

– Доченька, дорогая, папа шутит! Ты у нас самая красивая. Вовсе не толстая! – Надежда Степановна пододвинула пирог к дочке. – Кушай, детка, кушай.

– Макс, я толстая? – сестра подняла на брата влажные глаза.

– Ну что ты, милая! Совсем нет! Но можешь стать, если не будешь заниматься спортом. Что у вас есть в школе? Какие секции? – Максим взял в руки ладонь сестры.

– Я тебе по дороге расскажу. Что-то весь аппетит пропал, – сказала Лена и исподлобья посмотрела на отца.

Анатолий Иванович опустил взгляд.

Лена увлекла за собой Максима, и они скрылись в её комнате.

Надежда прижалась к Анатолию.

– Толя, ну как ты не поймёшь, нельзя девушке пятнадцати лет говорить такое! У неё потом комплексы будут. Анорексия, не дай бог! Прошу, родной, думай, что говоришь.

– Да знаю я, Надюша, глупость сморозил, – и он обнял женщину за талию. – Отличные у нас дети, правда же?

– Конечно! Не зря ты Максима в строгости и дисциплине воспитывал. Родине служить благодаря тебе захотел. Выбрал, конечно, не армию, а милицию, но всё одно – служба! Вы, Бахаревы, прирождённые вояки. Нет препятствий, так вы их создадите. Почему Макс не согласился жить со Славой, ведь он звал его? Друзьями стали, три года вместе прожили в снятой квартире... Конечно, не всем родители могут квартиры дарить, но ведь можно было жить вдвоём, как прежде, и расходы делить пополам. Всяко легче было бы обоим.

– Надюша, дорогая моя, как ты не поймёшь! Не согласился, потому что не захотел ни от кого зависеть. Он правильно решил – пора самостоятельно жить, попробовать свои силы. Не пропал же! И подработку нашёл, и учёбу закончил с отличием. Хотел стать опером – стал. Скоро и капитана дадут, вот увидишь! Машину приобрёл, какая-никакая, а личный автомобиль. На квартиру стал копить. Это ведь не один год, сама понимаешь. А теперь, когда ему достался дом, так он будет к другому стремиться. Захочет семью – будет у него семья. Захочет по службе продвинуться – снова поедет в горячие точки. Нашей он закалки, Бахаревской!

– Похоже, сыночек наш далеко пойдёт. Характер у него – кремень. Весь в деда!
Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Глава 4

Вечер опустился на город N быстро, сменив солнечный ясный день крепчающим морозом. Максим ходил вокруг памятника героям-комсомольцам уже лишних двадцать минут. Он был в недоумении. За две недели, что они встречались, Валерия ни разу не опоздала! Волнение охватило его. Он подошёл к ближайшему таксофону. Монетка быстро проскочила в щель. Он набрал знакомый номер.

– Алло, Валерия?

– Максим, прости, я тебе звонила на работу, но ты уже ушёл, – сбивающийся голос, всхлипывания.

– Что случилось? Ты в порядке? – он прижал трубку к уху.

– Извини, я сегодня не смогу прийти, – снова всхлипывания.

– Я сейчас сам приеду, скажи номер квартиры.

– Пятьдесят четыре.

* * *

Когда Максим переступил порог квартиры номер пятьдесят четыре, Валерия, без слёз на лице, но с красными глазами и потерянным видом, стояла перед ним.

Он обнял её. Она проводила его на кухню. Села на стул и начала рассказывать.

– Я тебе не говорила, моя мама вот уже две недели в больнице. У неё пару лет назад нашли опухоль в голове. Два раза в год, летом и зимой, её кладут в больницу на обследование. Маму должны были завтра выписать из больницы. Я уже оделась и собиралась выходить из дома, к тебе... – она поправила себя: – ...ну, к памятнику, как позвонила за отделением и сказала, что нужно, чтобы мама осталась ещё на неделю, они не успели сделать какие-то обследования. Ещё сказала, чтобы я пришла завтра, но на выписку не рассчитывала...

Девушка замолчала. На глазах снова выступили слёзы.

– Лерочка, и что дальше?

– Это всё. Я испугалась, хотела сразу ехать в больницу. Но я бы не успела – через весь город добираться никак не меньше двух часов. Прости, мне совсем не до свиданий сейчас!

– Успокойся, пожалуйста. Расскажи мне, чего ты испугалась? Ну не успели они сделать несколько анализов – что в этом страшного?

– Ты не понимаешь! Я потеряла папу три года назад, а теперь мама больна. И они не хотят её отпускать. Всё это – не просто так! Они не хотят мне говорить правду. Знаешь же, какие они гуманные: всё время говорят, что всё хорошо, всё образуется... Как я буду жить без мамы? Я не хочу её терять! Она – всё, что у меня есть, мой единственный близкий человек!

Она опустила голову на руки, лежащие на столе. Её тело содрогалось в молчаливых рыданиях.

Максим подошёл к ней.

– Малыш мой, иди ко мне, – он поднял её, развернул лицом к себе.

Она обняла его и уткнулась в его грудь, продолжая бесшумно плакать.

Он прижимал её к себе одной рукой, другой гладил по волосам. Не сразу, но она успокоилась. Выхлипывания прекратились, и, обмякнув, она опустилась на стул. Он заварил чай, разлил по чашкам.

– Знаешь что, я останусь у тебя в эту ночь. Тебе не следует быть одной сегодня. Вот я вижу диван, я лягу здесь. А завтра, с самого утра, отвезу тебя в больницу. Заодно и познакомлюсь с твоей мамой. Как тебе план?

– Максим, не нужно оставаться. Езжай домой. Со мной всё будет хорошо, – бесцветным голосом, не поднимая глаз, проговорила девушка.

– Нет, я тебя в таком состоянии не оставлю. Ты будешь накручивать себя, представлять в воображении страшные картины, затем плакать беспрерывно до самого утра, а весь следующий день, из-за бессонной ночи и мрачных мыслей, вид у тебя будет не ахти какой. Я знаю, вы, девушки, в этом плане похожи. Моя сестра такая же. Воображение у вас – ой-ё-ёй! Давай посмотрим что-нибудь по телику, а потом ляжем спать. Тебе нужно отдохнуть, чтобы завтра твоя мама не обнаружила никаких следов слёз. Ты же не хочешь её огорчать, верно?

– Да, я не хочу её огорчать. Но тебе не следует оставаться здесь. Я две недели не звала тебя в гости, потому что одна в квартире, без мамы. Это неприлично, когда парень ночует у девушки, понимаешь?

– Малыш ты мой! Нет и не будет ничего неприличного. Одну я тебя не оставлю, об этом и речи быть не может!

По телевидению показывали какой-то очередной сериал. Он нисколечко не занимал Леру, и Максим это видел. Серия закончилась, он выключил телевизор, расстелил сначала кровать, затем диван. Потушил свет. Валерия, как была в домашнем платье, так и легла в нём. Он подошёл, поцеловал её в лоб и укутал в одеяло. Она закрыла глаза, но сквозь полуприкрытые ресницы видела, как он снял сначала рубашку, затем брюки и носки. Лунный свет, проникающий снаружи сквозь прозрачную тюль, осветил атлетическую фигуру – мускулистые руки, мощный торс. Девушка не могла оторвать взгляд. Он, казалось, не замечал, что глаза Валерии уже не были полуприкрыты, она с любопытством осматривала его тело. Он лёг, укрылся.

– Ты читала Харлана Эллисона «Парень и его пёс»? – полушёпотом спросил он.

– Нет, а о чём это?

– Я тебе расскажу.

И он начал повествование тихим, неспешным голосом.

Она слушала заинтересованно, закрыв глаза. Постепенно голос Макса становился всё тише и тише. Она то проваливалась в сон, то снова выныривала, улавливая отдельные слова. Спустя полчаса пропали и они.

И она увидела огромного пса, весело бегущего ей навстречу. Его уши разметались в разные стороны, а пасть, немного разинутая, казалось, улыбалась ей.

* * *

Валерия проснулась от запаха.

«М-м-м! Жареная колбаска!» – сразу определила она, широко открыв глаза.

Быстро прошмыгнула в ванную, за несколько минут привела себя в порядок, сменила домашнее платье на халатик, заглянула в кухню.

– Доброе утро, малыш! Ты вовремя, завтрак готов.

Максим стоял у плиты. Щекочущий ноздри аромат пьянил голову.

Валерия подошла поближе. На сковородке скворчала яичница с колбасой.

– Доброе утро! – она чмокнула его в щёку и быстро села за стол.

«Какая гладкая щека! Он что, побрился?»

Он поставил перед ней тарелку с едой.

– А откуда взялась колбаса? Я не помню, чтоб её покупала.

– Вчера я заметил магазин рядом с домом, вот и сходил с утра. Купил не только продукты, но и средства гигиены. Заметила в ванной?

– О, нет! А что там?

– Зубная щётка, бритва – всё то, что необходимо мужчине.

– Это надо убрать! Мама очень огорчится, если увидит.

– Я заберу в машину, не переживай. Никто не узнает о моём присутствии. Вкусно? – он с любопытством посмотрел на Леру.

– Очень! – она покраснелась и уминала завтрак за обе щёки. – А молока тоже купил?

– Конечно! Я же знаю, что кофе ты пьёшь только с молоком. Нашёл турку, сейчас заварю кофе, попробуешь. Ты такой никогда не пила!

– Да ты ещё и кофе умеешь варить?

– Я много чего умею делать, – он посмотрел на Валерию.

Она опустила глаза.

После ароматного кофе Валерия и Максим сели в старенькую белую жигулёвскую «шестёрку» и поехали через весь город в больницу номер один.

* * *

Больничная палата представляла собой образчик чистоты и стерильности. Белые стены. Белый потолок. Белое постельное бельё. Шесть железных кроватей стояли, образуя букву «П». Все они были заняты. Слева, у окошка Лерина мама в очках, полулёжа, читала книгу. Медсестра у противоположной стены готовила капельницы. Дверь палаты приоткрылась, появилась голова Леры. Она окинула взглядом белое пространство, увидела знакомое лицо. Шире открыла дверь.

– Mamочка, здравствуй! – подбежала к женщине.

Следом зашёл молодой человек.

– Познакомься, это Максим.

Взору Максима предстала красивая молодая женщина, немного бледноватая, но имевшая изумительное сходство с Валерией, словно старшая сестра.

– Здравствуйте, Максим, очень приятно познакомиться! Лерочка мне о вас рассказывала, – она отложила книгу, сняла очки.

– Добрый день, Нина Александровна! Рад знакомству! – Макс улыбнулся. – Это вам! – протянул букет цветов. – Куда можно поставить?

Мама Валерии опустила ноги с кровати, открыла тумбочку и достала пустую банку.

– Вот, я сейчас налью воды.

– Давайте я сам, – Максим взял банку, подошёл к умывальнику, расположенному сразу у входа в палату, такому же белоснежному, как и всё вокруг, набрал воды и поставил букет в банку. Отнёс на тумбочку у кровати Нины Александровны.

Женщина опустила руку, и Максим заметил на сгибе вену. Вокруг неё словно пролили чернила – сквозь кожу просвечивало синим.

«Уколы или капельницы? И как неаккуратно! Что за персонал в этой больнице?» – подумал он и взглянул на медсестру.

Она стояла у кровати пациентки, держа в руках иглу. Женщина средних лет. Круглое лицо с узкими губами и добрыми, но потухшими глазами. Шапочка с красным крестом аккуратно закреплена шпильками на коротких седеющих волосах. На белом халате – ни одного пятнышка. Полноватые ноги в чулках обуты в лёгкие туфли с низким каблуком. Она что-то тихо говорила. Мелодия её голоса успокаивала, и больная не заметила, что в вене появилась игла, сквозь которую из прозрачной трубочки закапало лекарство. Медсестра улыбнулась, погладила её по волосам и настроила капельницу на более медленный режим. Оглянулась и, заметив, что посетители до сих пор у кровати Нины Александровны, молча направилась к другой пациентке.

«Нет, это не может быть она. Или студенты, или другая медсестра», – решил он.

– Доченька, ты расстроена? Волнуешься из-за меня?

– Да, мамочка, я была очень-очень огорчена, когда позвонили и сказали, что тебя не выпишут! – Валерия взяла в руки руку матери.

– Солнышко моё, не расстраивайся, для этого нет причин. Не пришли кое-какие результаты обследования, обещают в середине недели. Завотделением – милейшая женщина! Говорит, что нет причин для беспокойства. Понаблюдают меня ещё недельку, время быстро пролетит. Жаль только, что я не увижу своих третьеклашек ещё неделю. За прошедшие две я так по ним соскучилась! Но ничего, главное, чтобы ты не волновалась, – она обняла дочь. – Максим, пожалуйста, не давайте Лерочке грустить! – женщина посмотрела на юношу.

– Об этом не переживайте, я обо всём позабочусь, – твёрдым голосом сказал Максим.

– Как учёба, как Стёпа?

– Рисуем, рисуем и рисуем. Некоторые лекции очень интересные. Кот живёт лучше всех – никаких забот! А я скучаю по тебе, – Валерия отпустила руку матери и прильнула к её маленькой груди.

– Ну, девочка моя, полно!

Максим видел, как Нина Александровна улыбнулась, но её глаза наполнились слезами. Она сглотнула, не дав ни одной слезинке вырваться на волю, немного отстранила дочь от себя, нежно взяла её за подбородок и приподняла его так, чтобы глаза девушки были на уровне её глаз.

– Валерия! – голос строгой и требовательной учительницы заполнил палату.

Медсестра и несколько пациентов застыли, словно нашкодившие ученики.

– Да, мамочка, я всё поняла! Я никак не могу привыкнуть к тому, что тебя нет дома.

Я постараюсь не волноваться.

Больные вздохнули с облегчением. Медсестра опустила взгляд к иглам и лекарствам.

– Милые мои, спасибо, что навестили, привезли всё необходимое, – голос Нины Александровны смягчился. – Ещё раз, Максим, – я очень рада познакомиться. Лерочка – учёба, учёба и ещё раз учёба! Всё, поезжайте, сейчас мне нужно на процедуры.

Она поцеловала и дочку, и юношу. Снова легла на кровать. К ней подошла медсестра.

– До свидания, – Лера слегка качнула головой, обращаясь ко всем в палате.

– Будьте здоровы! – Максим вышел следом, тихо закрыл за собой дверь.

Про себя он отметил, что визит к матери не развеял девушку, скорее, наоборот, она выглядела расстроенной.

Глава 5

Безветрие. Снежинки медленно кружат в воздухе. По заснеженной улице вдоль домов, магазинов и кафе идут две девушки.

– Мила, пожалуйста, помедленнее, я не успеваю за тобой! Мы же просто гуляем! Ты словно опаздываешь куда-то, – Валерия догнала девушку, взяла её под руку.

– Лерок, прости, прости, пошли помедленнее. Как у вас с Максом, расскажи? – Люда поудобнее обхватила руку подруги.

– О, дорогая, я влюблена! Его синие глаза... Я потерялась в них ещё в тот новогодний вечер. Его голос, интонация... Он такой сильный, такой мужественный! Я именно так и представляла себе идеального мужчину. Ты знала его раньше? Он же вместе со Славой работает, да?

– Да, они оба лейтенанты, оперá, я его видела несколько раз. Для меня он обычный парень. Слава меня привлекает куда больше всех остальных.

– По гороскопу – Стрелец, в декабре родился, из семьи военных. Представляешь, четыре поколения, и все – военные! И даже имя у него – не просто так. Он рассказывал, что отец его так назвал, чтобы не забывалось военное прошлое предков. Оружие такое есть, старинный пулемёт, мощный, тяжёлый, известный во всём мире, – «максим». Когда я в первый раз увидела его в форме, по мне аж волна пробежала. Горячая волна, – девушка прижалась к подруге. – Ты понимаешь?

– Конечно, понимаю! Мне ли тебя не понять? – Люда лукаво улыбнулась. – А про родителей спрашивала? Это очень важно – кто родители. Вот, к примеру, если кошечку на вязку выбирают или кобелька для случки, обязательно родословную смотрят. А люди? Как выбирают себе пару? Просто по любви? Почему в нашем обществе так много больных детей? Больных не просто простудой, а с отклонениями на уровне генетики, психики... Да потому что надо было смотреть на родителей! Узнать вначале родословную человека, с которым хочешь связать жизнь.

– Ну, он чуть-чуть рассказывал. Отец – военный, подполковник в отставке, работает в частной охранной фирме. Дед тоже военным был. Мама Макса на данный момент домохозяйка, раньше работала секретарём. Они часто переезжали, отцу давали то одно назначение, то другое. Дедушка и бабушка, родители его мамы, они из простых крестьян, живут вроде бы в Перми, если я правильно всё запомнила. Ещё есть сестра Лена, на десять лет младше Макса. Он с такой нежностью о ней говорит! Видимо, у них хорошие отношения. А про заболевания я не спрашивала.

– Ну, ты, подруга, даёшь! Это очень важно! Какое потомство будет?

– Люд, ну какое потомство! Я ведь пока не собираюсь замуж, – сказала, оправдываясь, Валерия.

– А я считаю – зачем развивать отношения, если не устраивает что-то? К примеру, диабет, который передаётся по наследству, или, не дай бог, шизофрения! Лучше уж и не влюбляться совсем! – заключила Людмила.

– А ты, поди, можешь контролировать, влюбляться тебе или нет? Это же само происходит, вне твоего желания!

– Само-то само, но можно остановиться, пока ещё есть возможность. Какая же ты наивная, Лерка! Совсем не знаешь жизнь.

– Ладно тебе! Знаешь, а маме он понравился. Они сразу нашли общий язык.

– Милая моя, твоя мама с любым найдёт общий язык.

– Но Макс! Про него я не знаю, найдёт ли он с любым общий язык. А тут такое впечатление, что они – старые знакомые.

– Просто твоя мама умеет расположить к себе человека, она необыкновенная. Я же училась у неё! Сколько бы ни было у меня учителей, она – самая лучшая, была и осталась. Как она? Подлечили? Сколько она пробыла в больнице? Месяц?

– Три недели. Какими они мне показались долгими! Прихожу домой, а там пусто так... – Лера крепче схватила подругу за рукав. Через несколько секунд продолжила: – Выглядеть она стала намного лучше. Лицо посвежело, появился румянец. Я так рада! Теперь домой бегу, стараюсь насладиться каждой минутой рядом с мамой. Страшно мне, Мила! Никто толком не говорит, что с ней, отчего эта опухоль возникла. Случилось-то всё тогда, когда папы не стало. Думаю, это нервное. Что-то сдвинулось в иммунитете, клетки неправильно заработали, вот и болезнь. Как ты считаешь?

– Давай не будем пытаться найти причину, и тем более не будем пытаться ставить диагноз. Оставим это врачам. Давай лучше о нашем, о женском. Макс уже признался тебе в любви?

Валерия тяжело вздохнула.

– Прямо чтоб «я люблю тебя» – нет, не говорил. Но, мне кажется, я ему нравлюсь. Он так смотрит на меня! И его прикосновения, они такие обжигающие... А после его поцелуев мне хочется спрятаться куда-нибудь от стыда и перевести дух. И ещё одно. Когда мы наедине, он зовёт меня «малыш»! Забавно, не правда ли?

– Как точно подмечено! Ты и вправду – малыш! Слишком наивна, прям – ребёнок! Стыд от поцелуев? Близость была?

– Люда! – девушка уткнулась лицом в рукав подруги. – Я ещё не готова к этому, – поднимая голову, проговорила Лера. – Меня всё устраивает и так.

– Ты боишься? Признайся, боишься таких отношений? – Люда остановилась и посмотрела подруге в глаза.

– Я просто не готова. Мне слишком мало лет, и я не хочу до свадьбы, – красная, как рябина зимой, Лера опустила глаза. – Пойдём дальше, а то замёрзнем.

– Что? Ты так и будешь девственницей до свадьбы? В наше время это нонсенс! Он знает? – взяв девушку за руку, Люда опять прибавила шаг.

– Знает о чём? – Валерия семенила и не попадала в шаг подруги.

– О том, что ты невинна?

– Мы об этом не говорили.

– Так скажи ему!

– Зачем? Он не спрашивал, – Лера одёрнула подругу. – Помедленнее, прошу! Милочка, дорогая, не мучь меня такими вопросами! Я чувствую, что я влюблена в него, и чувствую, что он тоже ко мне неравнодушен. Разве может что-то быть лучше?

– О, малыш мой, ещё как может! – Люда была на полгода старше Леры и искущённее в таких делах ещё на пару годочков.

Валерии от этих разговоров стало совсем жарко. Она отпустила руку подруги, повернулась спиной к сугробу и, раскрыв руки, словно крылья, медленно стала наклоняться назад, пока не оказалась в снегу. Люда посмотрела на подругу, рассмеялась и сделала то же самое.

Глава 6

В кабинете начальника оперотдела заканчивалась планёрка.

– Всем понятно задание? Вопросы есть?

Невысокий мужчина лет пятидесяти, с редкими седыми волосами, в серых брюках и лёгком свитере, обтягивающем мускулистые руки, окинул оперативников взглядом из-под светлых, едва видимых бровей. Этот взгляд маленьких глаз, серо-голубоватых и, как казалось, невзрачных, за считанные минуты мог ввергнуть человека в глубокое отчаяние или совершить противоположное. Двадцать с лишним лет опыта и практики сделали из этого человека непревзойдённого детектива. Каждый его взгляд, жест или улыбка несли в себе такой заряд энергии, что ты или впитывал её в себя, как впитывает растение влагу дождя, или, наоборот, непривольно отшатывался, чувствуя, насколько его сила превосходит твою.

– Сергей Александрович, к операции будем привлекать ОМОН? – спросил кто-то из сотрудников.

– Нет, Саша, пока не будем. Попробуем план «А».

– Когда приступим? – Бахарев, стоя рядом с Погодиным, переминался с ноги на ногу.

– Прямо сейчас приступайте. Всё, разойтись!

Бахарев резко развернулся и быстро вышел из кабинета. Погодин догнал его в коридоре.

– Макс, едем на твоей?

– Конечно!

Они вышли во двор. Бахарев одним движением смахнул рукой снег с лобового стекла, сел за руль, вставил ключ в зажигание.

– Славка, что ты там возишься? Садись уже!

Погодин, наматывая на ходу шарф, влез в машину.

– Трогай!

Они проехали сквозь промзону и оказались в районе хрущёвок. Серые дома, узкие проезды.

– Вот он, сто пятьдесят девятый. Встанем напротив третьего подъезда, вон там, – Макс махнул рукой через островок между двумя домами.

– А что не у самого дома? – Славе стало жарко, он расстегнулся, снял шарф.

– Зачем так светиться-то? Забыл, чему учили? – и Бахарев медленно вывернул из накатанной колеи, встал на намеченное место.

Погодин глубоко вздохнул.

– Я в последнее время думаю совсем не о работе.

Прошло не менее получаса в тишине. Окна в машине запотели, и Макс снова включил зажигание. Погодин, расцепив руки на груди, чуть приглушил радио.

– Макс, дружище, мне нужен твой совет. Я замучился уже, не знаю, как быть. Людка меня очень волнует, мы с ней уже больше года встречаемся. Думаю, пора предложение сделать, а то бросит она меня, – Слава нахмурился, посмотрел в окно.

– С чего ты взял, что бросит? – Макс посмотрел на друга, отодвинул сидение максимально назад, вытянул ноги.

– Сам знаешь, какая у нас работа, времени ни на что не остаётся, а она девка видная, ей семья нужна. Пока я по командировкам разъезжаю, найдёт себе другого – и адё! – он махнул рукой. – Да и мне пора жизнь устраивать, двадцать шесть уже стукнуло. Как думаешь?

– Ты всё продумал? Хочешь всю жизнь с ней прожить? Мать её видел? Знаешь, как говорят: хочешь увидеть, какой станет твоя невеста через двадцать лет, посмотри на её мать.

– Ну, видел несколько раз, нормальная женщина. Ты про характер или внешность? – глаза засветились любопытством.

– Да про всё. Если уверен – женись! Знаешь, мы с тобой одновременно подумали об одном и том же. Я решил сделать предложение Валерии. Конечно, мы встречаемся всего ничего – пару месяцев, но я знаю: она – то, что мне надо! Ты прав, тянуть в этом деле не нужно, вон сколько парней вокруг. Упустишь – и всё, считай, пропало!

– Ого! Я и не ожидал от тебя. Неужели влюбился? А? – Слава лукаво улыбнулся. – Ты же у нас разборчивый! Помню, как в общаге ты девок водил, но ни с одной так и не стал жить. Всё было не то? Не любовь?

– Слава, какая любовь? Куклы накрашенные! Ржут, как лошади, пьют, курят! Разве от девушки должно пахнуть как из пепельницы? Сексуальный опыт – да, и то не ахти какой. Гормоны сыграли свою роль, и всё. Я не вспоминаю общагу. Даже говорить о ней неприятно. Мы с тобой приняли правильное решение – сняли квартиру. Иначе бы закончили кое-как институт, да ещё и подхватили какую-нибудь гонорею!

– Да уж! Ты так вообще с отличием закончил. Ну, так что с Валерией? У тебя всё серьёзно?

– Представь себе! Думаю о ней постоянно. Хочу её постоянно. Меня возбуждает в ней всё: и фигура, и улыбка... Куда б ни посмотрел – всё нравится! Она как будто сделана для меня. А голос! Звоню, слышу её голос, и... – он осёкся и вздохнул.

– И что? Обязательно жениться? Это не тот случай. Ты же не сучку выбираешь, а жену!

– Она будет отличной женой! Готовить умеет, неконфликтная, добрая. Посмотрит так на меня, аж дух захватывает! Я готов горы перевернуть! Вдохновляет она меня, понимаешь? – румянец покрыл щёки Макса.

– Ну, дружище, это серьёзно! А что, если нам свадьбы сделать вместе? Где-нибудь в августе, двойная свадьба? Что думаешь? Я вот хотел показать тебе... Кольцо вот уже купил для Людки, зацени! – он потянулся во внутренний карман стёганой куртки.

* * *

За несколько секунд до этого из подъезда вышли, в модных коротких пальто, двое парней. Расстёгнутые, без шапок. Первый – бритый наголо, второй – с короткой стрижкой. Огромные, раскачанные, уверенные в том, что могут делать всё что угодно. Они быстро, воровато оглянулись – скорее, по привычке, чем по необходимости, – и решительно двинулись к машине. К единственной машине в этом дворе. К белым «жигулям». Шедший первым сделал над собой усилие – стряхнул с лица обычное презрительно-вальяжное выражение и придал ему злую решимость. Он явно был намерен выяснить, какого чёрта эти двое вот уже битый час сидят в машине напротив их подъезда. Его глаза с жёлтыми белками и красными прожилками видели руку водителя на руле. Стойка закрывала обзор.

«Сидение отодвинуто, и спинка разложена», – подумал лысый.

Сидящий рядом с водителем просматривался чётко. Он совершенно не обращал на них внимания, что-то говорил водителю. Сунул руку за пазуху. Лысый резко остановился и дал знак второму. Оба замерли на месте. Первый шире распахнул полу пальто и вытащил из специально пришитого внутри кармана обрез охотничьей двустволки. Оружие ближнего боя, страшное, не оставляющее ни малейших шансов жертве, попади заряд в голову или корпус. При попадании в конечность – инвалидность обеспечена. Вскинув тяжёлый обрез одной рукой, лысый выстрелил. В машине разлетелось, взорвавшись осколками, боковое стекло со стороны водителя. Стрелок понял, что поторопился. Промах! Большая часть картечин, тяжёлых, как пули из пистолета, ударила по стойке лобового стекла, оставив на ней вмятины цвета чистого металла. Лысый быстро перехватил обрез второй рукой, прицелился.

В это время в машине, оглохший от выстрела, ошалевший от неожиданности, Погодин заорал:

– ..., жми! Жми!!!

Машина закрутила колёсами по слежавшемуся снегу. Казалось, она никогда не тронется, буксуя и буксуя, пока бандиты спокойно будут расстреливать их в упор.

Бахарев взял себя в руки, чуть сбросил газ, колёса зацепились за снег. Машина тронулась. Лысый выловил прицельной планкой бывшей горизонталки голову водителя и нажал на второй спусковой крючок. Ничего! Он не услышал даже сухого щелчка. Не осечка, просто старая двустволка отжила свой долгий век. Вопя матом на весь двор от досады, выплёскивая в этом вопле нахлынувший адреналин, лысый начал хлопать себя по карманам в поисках патронов. Когда он переломил ружьё, всего лишь несколько секунд, перезаряд, – машина уже была слишком далеко, неуязвимая для дробовика.

– Всё, Толстый, валим, валим! Спалили нас, суки!

Стрелок оглянулся на говорившего невидящими глазами, руки у него ходили ходуном. Говоривший опасливо поглядывал на пляшущий перед ним обрез. Вдалеке ещё ревел на первой передаче двигатель машины, в которой – теперь они точно это знали – ушли от них местные опера.

* * *

– Макс, всё, тормози! Мы ушли! У тебя кровь!

Бахарев, уловив слово «кровь», резко завернул руль. Машину понесло. Дорога была пуста, и машина, покрутившись, упёрлась носом в сугроб.

– С такой работой надо быстрее жить! Помрёшь – и всё, всему конец, – Погодин ошалело смотрел вдаль.

Бахарев сидел, закрыв глаза и переводя дыхание.

– Решено! Свадьбы в августе! – он стукнул кулаком по передней панели.

Погодин нервно захихикал, затем серьёзно посмотрел на друга.

– Покажи руку.

Бахарев осторожно снял куртку. В левой руке, чуть выше локтя, торчал осколок стекла. Он крепко обхватил его двумя пальцами и резко вырвал из плоти. Хлынула кровь. Стекло звякнуло о переключатель скоростей. Макс быстро зажал рану.

– Аптечку! Живей!

* * *

В кабинете начальника Погодин и Бахарев стояли потупив головы.

– Что мне с вами делать? – Сергей Александрович переводил взгляд своих пронзительных глаз с одного на другого. – И выговор-то вам ни к чему! Подвигам захотелось? Тогда летом, вместо отпуска, поедете в командировку! В самую что ни на есть горячую точку! Ума-разума набираться!

– Да мы не... – начал Погодин

– Молчать! Задание помнишь? Сидеть тихо, себя не обнаруживать. При малейшем движении со стороны подозреваемых – немедленно скрыться. Всё! Разговор окончен. Свободны!

Глава 7

Вечер субботы принёс с собой не только темноту, но и вьюгу. В кухне только что потушили свет, и стало видно, как за окном вихрем кружатся многочисленные снежинки, налипая комьями на стекло. Рыжий кот, сидящий на подоконнике, пытался ловить их лапой, не понимая, почему лапа остаётся пустой. Валерия только что закрыла двери за Максом. Сразу бросилась к телефону.

– Милочка, дорогая! Привет, ты мне нужна! Приходи скорей!

– Лерок, что случилось? Время видела? Девять уже!

– Приходи! Пожалуйста! Можешь у нас переночевать, мама уехала к подруге на выходные. Ну, пожалуйста! Пожалуйста!

Через полчаса подруги сидели на диване и пили чай с малиновым вареньем. На коленях у Людмилы развалился рыжий кот. Валерия, не сказавшая подруге до сих пор ни слова, наконец выпалила:

– Макс пригласил меня в ресторан! Завтра! – её глаза широко раскрылись. Она вытянулась, как струнка.

– И что? – Мила гладила кота. Ни один мускул на её лице не дрогнул.

– И то, что это в первый раз! Мы никогда никуда не ходили, только гуляли да у меня дома сидели, – Валерия привстала. Рот приоткрылся, дыхание участилось.

– Ну, ты и малыш! Правильно он тебя прозвал! И в чём суть? – спокойно проговорила Люда.

– Милочка, как же ты не понимаешь!

Девушка заходила по комнате, жестикулируя.

– Он пригласил меня! Как в кино! Разве это ничего не значит? Это же новый виток в отношениях!

Она повернулась к подруге.

– Это что-то значит!

– О! – Люда закатила глаза. – Детский сад, да и только! Просто ты влюблена, и тебе всё кажется необычным. Ищешь в любой мелочи тайный смысл. Что тут такого – пригласил на ужин? Вполне стандартная ситуация. Он же тебя не на Луну пригласил! А что наденешь, подумала?

– Что я надену?

Девушка, совершенно не готовая к этому вопросу, задумалась.

– Нет, не подумала... У меня надеть-то нечего! Я никогда не ходила по ресторанам.

– Давай, открывай шкаф, будем искать, – Мила осторожно переложила кота с колен на диван и не спеша пошла за Лерой в комнату.

В следующий час шкаф открывался и закрывался несчётное количество раз. «Красное или зелёное? Синее или чёрное? Юбка с блузкой или платье? – в голове у Леры царил неразбериха. – Строгое или праздничное? Короткое или длинное?»

Она примеряла и примеряла, снимала с вешалок и снова убирала в шкаф, крутилась перед зеркалом. Юбки, блузы, колготки, лёгкие шарфики и тяжёлые ремни – комбинировалось всё! Людмила то сидела на диване, рассматривая издали подругу, то подбегала к ней, помогая снять или надеть очередной наряд. После столь утомительного, но приятного для каждой особы женского пола действия выбор был сделан – красное шерстяное платье, подарок родителей.

Какое счастливое было время! Время, когда отец Валерии был жив. Отпуск тем летом родители провели в Риге вдвоём. Она так соскучилась по ним! Полдня провела на балконе, ожидая, когда они приедут из аэропорта домой. «Какие красивые у меня родители!» – с вос-

хищением смотрела с балкона на пару, идущую к подъезду. Отец, в светлой рубашке и шортах до колен, напоминал спортсмена-атлета – высокий, могучий; одной рукой он приобнял маму за талию, в другой нёс казавшийся Валерии огромным чемодан. Мама выглядела девичьей-школьницей – хрупкая фигурка, короткое платьице, волосы собраны в хвост. Загорелые, улыбающиеся. Лера широко раскрыла двери и бросилась на шею обоим.

А это платье! Как она радовалась такому сюрпризу! Примерила, аккуратно сложила в шкаф и ни разу не надела. Не было подходящего случая. Сейчас, стоя перед зеркалом и глядя на своё отражение, Валерия погрузилась в воспоминания. Глаза смотрели словно сквозь время, уголки губ слегка приподнялись.

– Вот бы не подумала! – воскликнула Людмила. – Красный цвет тебе идёт! Щёчки сразу заалели, губки стали ярче. А талия – ну дюймовочка! Интересно, как отреагирует Макс? Хотела бы я на это посмотреть! – Люда продолжала: – С виду – простое платье, а как сидит! К нему бы серёжки и браслетик. Рубиновый, гранатовый – есть что-нибудь с красным камушком?

– Нет, ничего такого нет, – вздохнула Валерия, возвращаясь в реальность.

– А это и к лучшему! Мужчина должен замечать такие вещи и незамедлительно дарить. Улыбнись же, ну! Всё будет хорошо!

Люда обхватила подругу за талию и закружила по комнате.

Глава 8

Открыв большую деревянную дверь ресторана, Максим вместе с облаком холода впустил Валерию, а затем и сам оказался в большом просторном холле. Огромные зеркала во всю стену сразу отразили высокого черноволосого юношу в зимней куртке и девушку рядом с ним, в сером пальтишке, поверх которого обмотался белоснежный пушистый шарф. Валерия скинула капюшон, расстегнула пуговицы. Макс, учтиво очутившись позади, взял её пальто, повесил на вешалку, обернулся. Лера стояла перед ним в красном обтягивающем платье. Волосы, собранные в высокую причёску, оставляли шею открытой. Глаза Макса, устремлённые на неё, расширились, губы приоткрылись. Краешком глаза он заметил, как юноша, видимо, пришедший чуть раньше, скинув с одного плеча куртку, замер, не в состоянии оторвать взгляд от Валерии, а его спутница скорчила гримаску и недовольно отвернулась. Макс притянул Валерию к себе и обнял. Незнакомый юноша, смущаясь, отвёл взгляд и сбросил наконец куртку со второго плеча. Макс увлёк Леру за собой в просторный зал.

Столики, покрытые белоснежными скатертями, стояли свободно. На них, в маленьких плетёных корзиночках, словно живые, расположились сухоцветы. В воздухе пахло ванилью, специями, тушёным мясом и множеством ароматов, трудно различимых между собой. Запахи смешивались, переливались один в другой, создавая неповторимую ауру, присущую дорогим ресторанам. Огромная люстра в центре зала, казалось, парит в воздухе. Освещая середину помещения, она оставляла столики вдоль стен в приятном полумраке. Макс выбрал самый дальний столик, посадил девушку так, чтобы как можно меньше глаз могло видеть его сокровище, сел рядом и позвал официанта. На столе появилась свеча в стаканчике и два бокала с шампанским. Макс не мог спокойно усидеть на месте. Он то поправлял ворот рубашки, то поглаживал ремешок часов, то взъерошивал себе волосы.

– Малыш, дай мне свою руку, – наконец сказал он, не поднимая глаз, обхватил двумя ладонями руку девушки. – Я хочу тебе сказать... Нет, не так! Я много о нас думал... Я всё время о тебе думаю... В общем, – он заглянул в её глаза, – я люблю тебя и хочу быть с тобой.

Погрузившись в синий омут его глаз, Валерия не понимала до конца, о чём он говорит. Её сердце готово было выпрыгнуть из груди, кровь пульсировала в висках, она не могла вымолвить ни слова. Молодой человек выпустил её руку, достал из кармана брюк бархатную коробочку, быстро открыл её. На подушечке лежало колечко с зелёным камушком.

– Валерия, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты выйдешь за меня? – его голос прозвучал увереннее, чем несколько минут назад. Он снова взял своей ладонью её руку и сжал.

– Малыш, не молчи! – в его голосе появились стальные нотки.

– Максим, ты делаешь мне предложение? – Лера покрылась румянцем, её глаза наполнились слезами, и, не дождавшись ответа на свой вопрос, она сказала радостно: – Да!

Он снял колечко с подушечки и надел ей на палец. Поцеловал руку.

– Я сделаю тебя счастливой, обещаю!

Признание в любви, предложение выйти замуж, обещание счастья накрыли её волной ощущений. Тех ощущений, что испытывает ребёнок, когда отец берёт его своими сильными руками и прижимает к себе. Она словно окунулась в тёплые воды, смывающие все страхи и сомнения. Будущее калейдоскопом диковинных цветов закружилось перед глазами.

Глава 9

Мартовский день выдался морозным и солнечным. Краснощёкая, с инеем на ресницах, Лера быстро забежала домой, скинула верхнюю одежду и, прихватив с дивана мамину шаль, направилась напрямиком в кухню. Закуталась. Включила чайник. Чашка горячего чая сразу согрела ладошки. Сделав пару глотков, девушка разомлела и задумалась.

«Прошло чуть больше двух месяцев со дня моего знакомства с Максом. Как же всё быстро закрутилось! Неужели всё так просто? Встреча, любовь с первого взгляда – и вот, я скоро выйду замуж!»

Лицо девушки озарила улыбка. Она допила чай и пошла в комнату, прикрепил подготовленный холст на мольберт, взяла в руки карандаш. На бумаге, штрих за штрихом, появился домик. На заднем плане – деревья, у дома – крыльцо. Затем – два силуэта. Пока не определить, кто это будет. Лера отошла на несколько шагов от мольберта. Её глаза восхищённо смотрели на холст, на котором обычный человек не разглядел бы ничего, кроме карандашного наброска. Но не юная девушка! Она уже видела законченную картину в своём воображении.

«“Мои мечты” – так я назову эту картину!»

Валерия с воодушевлением принялась за работу.

Звук ключа в замке, и дверь открылась.

– Мамочка, дорогая! – Лера кинулась обнимать мать, которая только переступила порог дома. – Давай сумку. О, какая тяжёлая! Как ты всё это волокла?

Добравшись до кухни, девушка стала разбирать продукты.

– К нам же придут родители Максима, его сестра. Сделаем что-нибудь вкусненькое! – женщина уже сняла верхнюю одежду и обувь, прошла на кухню и села на стул.

– Доченька, я так рада, что ты теперь у меня невеста! Максим мне сразу понравился, как только я увидела его в первый раз. Он будет хорошим мужем. Серьёзный, без вредных привычек, не бежит от работы. Кран нам починил, помнишь? И гардины повесил. А тот случай, когда ты разбила вазу, помнишь? Он сам всё убрал, не дал тебе даже прикоснуться к стеклу! Любит он тебя. Это точно, – она улыбнулась. – Вы будете счастливы, несомненно!

– Мам, а помнишь святки? – Валерия села на стул, поставила локти на стол, подбородок – на кисти рук.

– Конечно, я помню тот вечер! Канун Рождества. Вы собрались у нас, как всегда, неразлучная троица – ты, Марина и Людочка. У каждой – свой характер, свои страхи, свои таланты. Хоть я и видела вас в школе почти каждый день, для меня вы навсегда останетесь моими маленькими третьеклашками. А ведь вам уже тогда было по шестнадцать! Марина стала статной, рослой – настоящая русская красавица. Коса ниже пояса, густая, медного оттенка. Глаза – тёмный орех. И веснушки нисколько не портят лицо, наоборот, придают ему лукавость и добродушие. Рассудительная, любознательная, хохотушка, душа компании! С детства – великолепный голос, ей бы в опере выступать.

Вот эта девочка доставила мне немало хлопот. Бунтовщица открытая! Что на уме, то и на языке. Если не понимает материал, сразу начинает заниматься своими делами. Делает кораблики из исписанных листов, вырывая их прямо из тетрадки, причём на моих глазах! Точит карандаши, достаёт из портфеля календарики, перебирает их. На мой вопрос: «Граминская, почему не слушаешь?» – ответит: «Я ничего не понимаю! Мне папа дома объяснит. Вы не переживайте, Нина Александровна, домашку я сделаю!» Именно эта девочка была словно лакмусовая бумажка для меня. Потеряла интерес – значит, я плохо подготовилась к уроку. Значит, и другим не интересно. Но уж если Марина слушает, – считай, работа сделана на отлично! «Человек-настроение» – так вы её прозвали? Есть настроение – вокруг будет радостно, светло

и приятно, нет у Марины настроения – словно тяжёлые тучи опускаются на души всех, кто рядом... Лерочка, ты общаешься с Мариной?

– Так, созваниваемся иногда. Она учится на медицинском, я тебе говорила. Пару раз виделись, собирались у Люды. Она нисколечко не изменилась, даже косу не обрезала! В последний раз, по телефону, говорила, что замуж собирается. Обещала позвать на свадьбу.

– Да этим летом, похоже, вы все замуж повыходите! Людмила наверняка за Славу выйдет. Она такая умничка! Эта девочка хватает всё на лету, знания для неё как воздух. Учиться ей легко и приятно. Любит покой и уединение, если и заведёт друзей – то на всю жизнь. Умеет слушать. Сама, правда, тараторка ещё та, но это всё от избытка чувств. Вы сейчас в таком возрасте – прекрасном, юном! Всё хочется знать, всё попробовать. Будьте подольше такими! А Людочка – из неё со временем выйдет замечательная жена и мать, понимающая, заботливая, готовая всю себя отдать семье.

– Мне так нравятся её глаза, – Валерия погладила кота, тёршегося уже минуты две у её ног, – Медово-карие, миндалевидные! И прямые волосы до плеч, тёмного, почти чёрного цвета. Она словно сошла с картины Ремзи Таскирана – настоящая восточная красавица! – она взяла кота на руки. – Слушать она умеет, это ты верно заметила. Мне и её слушать нравится. Да, иногда она захлёбывается словами, но ведь все – по делу. Она не просто так тараторит, всё у неё всегда с умом... Так всё-таки, мам, мы начали-то с тобой про святки!

– А, да, меня в этом возрасте тоже влекло и волновало будущее. Так же в святки мы гадали с подружками. Ничего не меняется. Девушки во все времена одинаковые – сентиментальные мечтательницы! Я тогда хотела уйти к соседке, но вы так настаивали, чтобы я осталась... Милые мои! Помню, гадали по муке, по серебряным ложкам, по воску на воде. Но ты ведь имеешь в виду другое, верно?

– Да, мамуль. Я всё время думаю о той ночи. Ведь я видела и потом описала в зеркальном коридоре именно Максима! А мы тогда не были знакомы... Даже как-то становится жутковато от этого. А помнишь, когда мы с девчонками стояли на балконе и я спросила незнакомца, проходящего мимо, как его имя? Ты помнишь, что он мне ответил?

– Ну, милая, это судьба!

– Мам, неужели всё это – правда? Действительно есть судьба? – Валерия серьёзно посмотрела на мать.

– Солнышко моё, конечно, есть! И твой случай это доказывает. Ты же не думаешь, что всё в жизни хаотично? В нашей жизни есть определённый порядок, законы, нам не ведомые, но от этого не менее действенные. Твоя судьба была предопределена ещё до твоего рождения, понимаешь? Мы иногда можем чуть-чуть приоткрыть завесу и увидеть будущее. Кто-то не придаёт этому значения, кто-то, наоборот, во всём видит некие знаки судьбы. Но суть не в этом. Порядок нельзя изменить. Невозможно спорить с судьбой! Это, конечно, моё сугубо личное мнение. Ты можешь попробовать доказать обратное, но пойми, мы – лишь песчинки в этом огромном мире. Как может песчинка сопротивляться силе ветра? Вот именно – никак. Иди ко мне, моя маленькая наивная девочка! – Нина Александровна протянула руки.

Валерия села рядом с матерью, отдалась в родные объятия и положила голову ей на грудь.

Глава 10

Лейтенант Бахарев поднимался по заплёванной лестнице хрущёвки следом за участковым. Капитан Корнеев, коренастый мужичок предпенсионного возраста, в засаленной форме, тяжело дышал и задерживался на площадке после каждого пролёта лестницы. Сегодня он позвонил к ним в отдел прямо с утра – кто-то из местных забулдыг похвастал ему, будучи в состоянии между «в дрова» и «под газом», что в восемнадцатой квартире лежат автоматы. Как – откуда узнал? Скорее всего, у обладателя арсенала так же по пьянке развязался язык.

«Синька до добра не доводит», – подумал лейтенант, глядя себе под ноги.

– Всё, на месте. Восемнадцатая, – тихо сказал капитан.

Старлей, старший оперуполномоченный и начальник Макса, протиснулся вперёд и, обращаясь к участковому, так же тихо попросил:

– Иваныч, ну, ты знаешь, давай!

Стук в дверь.

– Кто, мля? – женский голос.

– Проверка паспортного режима, участковый капитан Серебряков.

Невнятное и злое бурчание, щелчок замка.

– А фули вас так много?

– В сторону отошла! Гражданка Макарова? Паспорт готовьте. Кто ещё в квартире есть?

Макс следом за старшим прошёл в тесную прихожую. Воняло перегаром и гнилыми тряпками. Похоже, что в последний раз тут убирались предыдущие жильцы. Если бы не табачный дым, слоями стелившийся в спёртом воздухе, его бы просто вырвало. «Нельзя в такие адреса прямо с улицы заходить. Надо сначала в подъезде кошачьей мочой подышать, привыкнуть», – подумал он.

Однако Иваныч, похоже, чувствовал себя здесь как рыба в воде. Он решительно вошёл в единственную комнату и по-военному гаркнул:

– Подъём! Строиться!

Макс увидел из-за его спины, как с помойного вида дивана, застеленного таким же ковром, поднялись три тощие фигуры. Укурки, не иначе. На глаз он дал бы им по четыре года анашистского стажа. Очень действенная «диета».

– Паспорта готовим, граждане тунеядцы.

Граждане выглядели растерянными. Не пьяными, не накуренными, но в то же время какими-то странно ошеломлёнными. Они, как в замедленном кинофильме, начали шарить себя по карманам, метаться то туда, то сюда, нарочито громкими голосами, с притворной весёлостью, спрашивая друг друга, где что лежит.

– Слышь, Макс, чую, неспроста они какие-то нервные, – тихонько сказал старлей. – Иди-ка, возьми на кухне стульчик и глянть на антресолях, чё там.

Максим прошёл на кухню, столкнувшись с гражданкой Макаровой, уже державшей наготове паспорт в грязноватой обложке, изображавшей доллары. Американский президент презрительно и высокомерно посмотрел на лейтенанта.

– П-простите, мне стул нужен.

– Табурет, – машинально поправила его гражданка и вдруг как-то съёжилась. – А чего?

Макс решил, что пора брать пример со своих нагловатых старших товарищей.

– Макарова, пропустите! – сказал он каким-то чужим голосом, стараясь придать ему как можно больше грубости.

Она подчинилась.

Снизу сиденье деревянного табурета было покрыто какими-то липкими наплывами. Максим решил, что не хочет знать, что это. Он сжал пальцами самый край сиденья и перенёс табурет к антресолям. Встал, открыл полуотвалившийся шпингалет и заглянул в пыльную темноту. Оттуда пахло чем-то неприятным и неувлимо знакомым.

– А чё он туда лезет, э! – услышал он возмущённый голос одного из троицы в комнате.

– Паспорт, мля! – рявкнул старлей. – Стоять-молчать-бояться! – он положил руку на кобуру.

Максим вернулся к осмотру пыльной темноты, и вдруг в голове мелькнула догадка. Запах. Консервационная смазка! В такой приходит в воинские части новое оружие! Он решительно сунул руку дальше, чем мог дотянуться взглядом. Рука нашарила мешковину. Он вытянул на свет длинный тяжёлый свёрток, оглянулся на комнату. Троица стояла, застыв в каких-то неестественных позах. На долю секунды зависла тишина. Тут свёрток с характерным металлическим звяком лёг на табурет.

– На пол лицом вниз! – старлей мгновенно достал из кобуры пистолет.

Парни с окаменевшими лицами подчинились. Участковый Иваныч, явно не ждавший такого поворота, остолбенел. Спустя несколько секунд он разморозился и вытянул из кармана кольца наручников.

После щелчка стального браслета на последнем подозреваемом и звонка в дежурную часть развернули свёрток. Пара абсолютно новых АК-74 в заводской смазке. Четыре снаряжённых магазина. Какой-то неказистый пистолет-пулемёт, в котором старлей, побывавший в чеченских командировках, опознал Борз.

Глава 11

Смеркалось. Максим шёл по центральной улице города. Остановился у витрины «Детского мира». Его взгляд приковала к себе небольшая кукла в коротеньком платье. Вытянув пухленькие ножки в белых носочках и розовых туфельках, она сидела между огромным плюшевым медведем и пушистым зайцем, держащим в лапе морковку. Свет в витрине, словно пойманный её глазами, отразился чистейшим изумрудом. «Живые! Они живые! Глаза Леры!» – подумал он.

Шаг в сторону – и очарование исчезло. Он видел лишь подобие человеческих глаз – застывшие в одном положении, с неподвижным зрачком на таком же неподвижном лице. «Как детям не страшно смотреть в неживые стеклянные глаза? – мелькнула у него мысль, и по спине пробежал холодок. – Или они так же, как и я, нечаянно поймав отражение света, надеются на чудо?» Мысль закружилась и остановилась на настоящих зелёных глазах и их обладательнице. «Девственница! Она ещё и девственница! Она будет моей, только моей и больше ничьей! Никогда!»

Ему стало жарко. Он отошёл от витрины и подставил лицо под февральский ветер. Мысленно вернулся к тому вечеру, когда она, его любимая, сказала о своём желании принадлежать ему.

* * *

За окном уже было совершенно темно. Он сидел в уютной кухне у Романцовых и совсем не хотел домой. Плотный ужин и, он не помнил, третья или четвёртая чашка чая с домашним вареньем. Лера крутилась то у холодильника, то у плиты. Он чувствовал себя необыкновенно умиротворённо. В то же время его возбуждение нарастало.

– Иди ко мне, – он легко, словно невесомую, притянул её к себе и усадил на колени. Начал поглаживать её бедро сквозь ткань платья. Поцеловал в ушко и прошептал: – У тебя самые красивые ножки, малыш, ты знаешь?

Она обняла его за шею и нежно коснулась губами внешнего уголка его глаза. На её щеках появился румянец. Она прикрыла глаза.

Он запустил руку в её волосы. Впился губами в мягкие, с запахом и вкусом земляники, губы. Дыхание ускорилося. Он прижал её к себе. Его свободная рука под её юбкой поднималась выше и выше.

Девушка резким движением хлопнула его по руке. Он замер.

– Максим, не надо!

Вся пунцовая, она пыталась встать с его колен.

Макс чувствовал, что он на грани и, если ещё хотя бы миг он будет прижимать её к себе, уже не сможет остановиться. И он отпустил её. Девушка, почувствовав, что её уже не держат, мгновенно соскочила с его колен и засуетилась вокруг стола. Посуда тотчас же была отправлена в мойку, варенье – в холодильник. Она стояла у умывальника, спиной к нему, что-то полоскала под водой и медленно, уже восстановив дыхание, проговорила:

– Макс, через неделю мой день рождения. Я так же, как и ты, хочу этого. Пусть этот день станет тем самым днём!

Он подошёл к ней сзади и спросил тихо, наклонившись к самому уху:

– Малыш мой, это правда?

Она обернулась. Ей не пришлось ничего говорить. Он увидел ответ в её улыбке, её зовущем взгляде, в её полуоткрытом ротике.

* * *

Покрутив головой для того, чтобы отогнать такие приятные, но сейчас ненужные ему мысли, он твёрдой походкой зашагал дальше.

Магазин «Сувениры», и вот – тот самый «Ландыш»! Именно сюда он хотел попасть до закрытия, потому и ушёл с работы вовремя, не задержавшись даже на полчаса. Идея подарка пришла в голову сразу. Что ещё подарить юной девушке на день рождения? Конечно, духи! Он успел узнать за время их знакомства, что Валерии не особо нравились сладкие запахи, например, корица и ваниль. Ленусик, его сестра, та была без ума от подобных ароматов. Но не Валерия. Ей нравился запах кофе, цитруса, хвои. А цветы? Какие цветы он ей подарит? Ведь все цветы имеют сладковатый запах...

Размышляя обо всём этом, он вошёл в магазин.

* * *

Парфюмерный магазин «Ландыш» за день посещало немало народа. Время богатых бездельниц, составлявших основную часть клиентуры, уже прошло, до закрытия оставалось полчаса. Кассир, женщина лет пятидесяти, сильно ссутулившись на стуле, проворно орудовала спицами. С копной седых спутанных волос, глазами, пристально смотревшими поверх очков, висевших на самом кончике носа, и полным телом, она напоминала паука, быстро-быстро плетущего паутину. Её короткие ноги выглядывали из-под кирпичного цвета юбки, едва доставая тупыми носками потёртых туфель до пола.

Из глубины зала вышла молодая продавщица, в тёплом коротком сарафане поверх розовой блузки. Её обесцвеченные волосы, тёмные у основания, были небрежно собраны в пучок на затылке. Несколько прядей выбились из причёски и висели, словно сосульки, вдоль лица. Она устало присела на стул у прилавка, напротив кассы, и открыла книгу. «И что все находят в этом Айзеке Азимове?» – подумала она, то и дело поглядывая на часы.

За большими окнами-витринами сумерки опускались на город. Когда в магазин вошёл молодой человек, взгляд женщины-паука мгновенно просканировал его от обуви до кончиков волос. Чуть наклонив голову, словно соглашаясь со своими мыслями, кассир продолжила вязать. Продавщица тоже бросила на вошедшего быстрый, оценивающий взгляд, задержалась на вычищенных до блеска ботинках и притворилась, будто внимательно читает. Сама же исподтишка посматривала на юношу.

Максим, не обращая внимания на обеих женщин, прошёл в отдел женской парфюмерии. Продавщица, увидев, что посетитель пришёл с целью купить, стремительно встала со своего места и кинулась на помощь.

– Добрый вечер! Что-то конкретное выбираете? – она хотела показать заинтересованность, но вышло слишком слащаво.

– Да, знаете, надо что-то особенное. Свежесть, цитрус, без сладких ноток, – бросил взгляд в её бледно-голубые глаза.

Крашеная блондинка разомлела: «Какой мужчина! Может, мне повезёт в этот раз?»

– Вот, пройдёмте сюда, попробуйте этот аромат, – медленно, с придыханием сказала она, маня юношу за собой. Затем вытащила откуда-то бутылёк из синего стекла, пшикнула на бумажку и протянула Максиму.

– Вашей маме понравится! – она лукаво посмотрела на него из-за ресниц и так же лукаво улыбнулась.

Глаза Максима расширились. Он отшатнулся. «Она что, клеит меня?» Он заставил себя не рассмеяться, лишь уголки губ непослушно пошли вверх. «Я – и она?! – взгляд остановился на ярко накрашенных губах. – Размалёванная пустышка с обезьяньими ужимками?»

«Запал! Он мой! Вот повезло-то!» – её губы растянулись на весь рот.

Паук смотрела на происходящее не отрывая глаз. «А, Верка! Думаешь, подцепила? Ничего не выйдет! Не по Сеньке шапка!»

– Я выбираю для своей девушки, – взгляд Максима поднялся до серовато-голубых глаз, обведённых толстой чёрной линией, и остановился, ожидая реакции продавщицы.

Вера быстро-быстро захлопала накладными ресницами, чуть не выронила флакон из рук, быстро отвернулась. Когда бутылёк занял своё прежнее место на витрине, выдохнула громко.

«А если бы разбила? Как потом выкручиваться? Снова работать без зарплаты?»

Её мысли, на миг отвлечённые неосторожными движениями, вновь закружились вокруг посетителя: «И с этим облом вышел! Ну почему все классные парни достаются кому-то другому?»

Она стала перегоревшей лампочкой – оболочка есть, света нет. Передвигалась от одной витрины к другой, предлагая всё новые и новые запахи. Бесцветным голосом. Наконец юноша заинтересовался одним образцом. Крутил в руках маленький флакончик, о чём-то думал, загадочно улыбался. Поставил на место. Продавщица тяжело вздохнула, снова бросила взгляд на часы. До конца рабочего времени оставалось пять минут.

– Мы скоро закрываемся, – стараясь придать своему голосу безразличие, с досадой сказала она. «А могли бы сейчас пойти в кино или в парк. Вместе». Она надула губы.

– Да, я выбрал. Вот этот, – юноша взял последний из предлагаемых вариантов, втянул в себя аромат, удовлетворённо кивнул. – Упакуйте, пожалуйста!

Продавщица, насупившись, упаковала подарок. Макс проследовал к кассе.

Паук, убедившись в очередной раз в правильности своих выводов, с ликованием посмотрела на продавщицу и опустила взгляд на руки. «Как я ненавижу этих молодых глупых дур! Почему жизнь так несправедлива – когда накоплен такой опыт, красота и молодость уже улетучились как дым!» Крючковатые пальцы побелели, сжав спицы. Она с трудом заставила себя распрямить их. Отложила вязание. Выбила чек.

– Спасибо за покупку, – скрипучий голос женщины-паука резанул слух.

Максим, не желая ни секунды оставаться в столь недружелюбной атмосфере, быстро вышел из магазина.

Блондинка подошла к стулу, села, положила руки на прилавок и опустила на них голову. Седовласая женщина молча двигала спицами. Хотя рабочий день почти закончился, этих двоих дома никто не ждал.

Глава 12

Наступил долгожданный день рождения. Сегодня, тринадцатого апреля, Валерии Романовой исполнилось восемнадцать! С самого утра в уютной квартире номер пятьдесят четыре появились сначала цветы, затем зазвучала музыка и запахло выпечкой. А к вечеру собрались гости. Нина Александровна, накормив всех и поцеловав дочь, уехала на всю ночь к подруге. Макс терял терпение и то и дело теребил рыжего Стёпку. Кот, не привыкший к такому обращению, уже выпустил несколько раз когти, оставляя на руках Макса весьма значительные царапины.

Сейчас они сидели на диване, кот и мужчина, бок о бок, один – недовольно скаля пасть, другой – то и дело бросая взгляд сквозь комнату, вглубь спальни, туда, где на тумбочке стояли розы и его подарок. Рядом с кроватью. Его мысли крутились вокруг кровати. Во рту пересохло. Он ушёл на кухню, чтобы отвлечься. Услышал сквозь смех и музыку голос Валерии. Возбуждение вновь вернулось. Посмотрел в окно. Одинокий фонарь тускло освещал островок чуть впереди себя. Прошла весёлая компания подростков. Пробежала, чуть хромя на заднюю ногу, собака. Макс посмотрел на часы. В кухню вошла Люда. Поставила пустую тарелку на стол.

– Макс, ты что тут? Пошли с нами! Там Славка такие истории рассказывает! Ухохочешься!

– Не, Люд, я, что-то устал сегодня, ты уж извини. К тому же я эти истории не по разу слышал.

Людмила всё поняла. И через полчаса, убрав со стола, вымыв посуду и проводив всех гостей, она стояла одетая у двери, держа Славу под руку.

– Счастливо оставаться, – лучшая подруга Леры подмигнула Максиму, одиноко облокотившемуся на косяк кухни, и быстро закрыла за собой дверь.

Теперь они были одни! Макс мгновенно оказался рядом с Валерией.

Он страстно впился губами в её губы. Непослушными пальцами, торопясь, расстегнул первую пуговку на платье, горячим дыханием обжёг шею, поднялся к ушку, обхватил губами мочку, затем быстро провёл шершавым языком по щеке. Стараясь как можно скорее освободиться от одежды девушку, оборвал последнюю пуговицу. Платье лёгким облаком заструилось по ногам и упало на пол. Поцелуи становились всё неистовее, дыхание Макса сбилось. Он обхватил ладонью грудь Леры, сжал маленький сосок. Наклонился к нему, втянул в себя и начал ласкать языком, то посасывая, то кусая. Боль и наслаждение одновременно пронзили девушку. Она вздрогнула и застонала. Сильные руки крепко обхватили её, подняли и отнесли в кровать.

Мужчина навис над ней, словно орёл над добычей, прижал к белоснежным простыням. Одной рукой он удерживал себя над девушкой, другой, горячей, сильной, нетерпеливо мямл её тело. Очень быстро рука оказалась у сведённых вместе ног Валерии. Она зажмурилась и сжала их. Почувствовала страх. Вспомнила о том, что читала о первом вторжении, и старалась приготовиться к тому, что будет больно и неприятно.

Он с силой раздвинул её ноги и сразу резко, одним движением, вошёл на всю глубину. Её пронзила боль. Стыд, желание убежать или хотя бы остановить происходящее, овладело ею. Из глаз Леры по щекам покатались слёзы, но он не видел их, – закрыв глаза, он двигался быстро, набирая темп, тяжело и громко дыша. Не в силах терпеть такую боль, Лера застонала. Макс, услышав этот стон, пришёл в ещё большее возбуждение, двигаясь всё быстрее и быстрее, и, совершенно не владея собой, разрядился в неё горячей сильной струёй.

Ещё несколько движений, и он в изнеможении перекатился на бок, обхватил Леру, поцеловал её губы, мокрое лицо. Она была не в состоянии услышать то, что он говорил, испытывая не только физическую, но и душевную боль. Медленно повернувшись, она оказалась к нему

спиной. Он обнял её сзади, поцеловал в плечо. Через некоторое время его тело совсем расслабилось, и девушка поняла, что он заснул.

Боль стала пульсирующей, но затихающей.

«Как же так? И это всё? Это и есть то самое, о чём все говорят, – страсть, желание обладать, удовлетворение? То, из-за чего в мире происходят войны, из-за чего люди заканчивают жизнь самоубийством, из-за чего принимают наркотики, алкоголь и прочее? Из-за чего страдают миллионы людей? То, что ищут миллиарды? Любовь? Это – любовь?»

Боль совсем покинула её тело, и последняя мысль, пришедшая в голову: «Это нормально, я читала, так у всех бывает в первый раз. Мы попробуем ещё. Всё будет хорошо...» И она погрузилась в блаженную темноту, столь необходимую ей сейчас.

Глава 13

Май вступил в свои права. Валерия пришла к Людмиле. Она больше не могла держать всё в себе. Сидя на угловом диване у окна большой просторной кухни, она бросала взгляд то на подругу, то в окно, то на свои, почему-то не желающие пребывать в неподвижности, руки. Ветерок сквозь форточку медленно шевелил кружевную шторку с нежно-голубой каймой. Множество баночек, коробочек, бутылочек различного размера, цвета и возраста, заполняли открытые полочки кухонного гарнитура. Кастрюли и ковшики, кувшины и чашки, сталь и фарфор, стекло и фаянс – всё говорило о том, что в этой кухне любят готовить. Пахло корицей и гвоздикой, томатным соусом и жареной курочкой.

– Мила, понимаешь, я пробовала заняться с ним любовью ещё несколько раз. Результат тот же – я не хочу его. Мне не нравятся его напористость, резкость, я стесняюсь собственного тела, чувствую себя не любимой женщиной, а инструментом для удовлетворения похоти, – Лера посмотрела на девушку, сидящую напротив.

Людмила внимательно слушала. Её карие глаза излучали доброту и понимание.

– А давай по кофе? – предложила она и насыпала кофейные зёрна в кофемолку. – Ну, у тебя и дела! Лучшая подруга! Сколько ты молчала? Месяц? Ну, ты, Лерка, даёшь!

– Дорогая, что скажешь – как мне быть? Мне приходится лгать ему. Лгать, что у меня болит голова, лгать, что наступили проблемные дни. Я начинаю его избегать. Как такое может быть? Ведь я люблю его! Его глаза, голос, его поцелуи, его прикосновения – всё это мне нравится! Я улетаю от этих ощущений! И желание чувствую – приятное тепло внизу живота.

На колени к Лере запрыгнул крупный чёрный кот, он тёрся об ладошку, подставляя то мордочку, то пушистый бок. Громкое мурлыканье заполнило кухню. Глядя животное, девушка продолжала:

– Почему же всё проходит сразу же, как он входит в меня? Почему я не хочу прикасаться к нему... там... ну, ты понимаешь?.. Почему не хочу впускать его в себя? Я ощущаю Макса так, будто это два совершенно разных человека. Один – тот, кого я люблю, нежный и понимающий, и другой – тот, кто со мной в постели, грубый и эгоистичный. Пока у нас нет близости, я его люблю, мне нравится всё, что он делает, все его ласки, его слова. Как только дело доходит до постели – он становится чужим, далёким, полностью поглощённым только своим желанием. Я не чувствую наслаждения, я лишь чувствую огромное пылающее инородное тело внутри меня, которое движется всё быстрее и быстрее, увеличиваясь до размеров, способных разорвать меня на части!

Кот перестал мурлыкать и недовольно спрыгнул с колен Леры на пол.

– Я радуюсь окончанию этой пытки, – Валерия взяла со стола бумажную салфетку и принялась её тереть. – Он обещает быть нежнее, обещает не делать больно, но с каждым следующим разом всё повторяется снова и снова. Он не владеет собой!

– Валерия, погоди, не гони лошадей! Ты до сих пор чувствуешь боль? Может, тебе сходить к врачу? – Людмила сделала глоток.

– Нет, – Лера отпила из чашки ароматный кофе, – ты не понимаешь! Я чувствую стыд, мне неприятно. Может, я вообще не способна испытывать никаких чувств с мужчиной?

– Ну, насмешила! – поперхнувшись кофе, смеясь, сказала Люда. – Ты же влюбилась в него! Он вызывает в тебе чувства, пока нет секса, верно?

– Да, всё верно, – тихо проговорила Лера.

Салфетка в её руках порвалась. Она смяла её, снова развернула.

– Судя по твоим словам, он не умеет быть нежным и ласковым. Пока не умеет. Он весь – во власти желания. Он научится! Вы вместе научитесь приспособливаться друг к другу.

Ты не переживай! Наслаждайся его прикосновениями, словами – всем, чем можешь. А когда дальше – ну, ты понимаешь, – просто отключись. Пусть делает что хочет. Это нормально для женщины. Просто принимай его, и всё, ты привыкнешь. Не все испытывают от секса удовольствие, это или придёт к тебе со временем, или просто привыкнешь, – Людмила положила свою руку на руку подруги. – Посмотри на меня. Ты всё поняла?

Валерия подняла на миг глаза. В них стояли слёзы.

– Да, я поняла, – она снова их опустила. Вновь скомкала части салфетки и положила их в пустую чашку.

– Не нужно так переживать. Всё образуется, – Люда подошла к подруге, погладила её по щеке и мягко обхватила её руку. – Вставай, тебе надо отвлечься! Пошли в комнату, я включу тебе новую музыку. Слава принёс на днях, тебе понравится, – и она, пропустив подругу вперёд, взяла кота в охапку и направилась следом.

Глава 14

– Ну вот, закончила, – Нина Александровна отодвинула от себя кипу тетрадок. Поправила очки, сползшие почти на кончик носа, откинулась на спинку стула. Посмотрела в окно.

Совсем стемнело. По стеклу медленно текли струйки дождя, не прекращающегося с самого утра.

– Знаешь, дорогая, а дети сейчас взрослеют раньше, чем в наше время. Это так грустно! Нельзя отнимать у детей детство. Но почему-то родители об этом не думают. Заставляют учиться, учиться и учиться! Времени для игр, для общения со сверстниками, просто прогулок, совсем не остаётся. И вместо того, чтобы ни о чём не думать, разгружать свой мозг, ребёнок начинает думать. Не просто думать, а думать по-взрослому! Начинает сомневаться в себе, копать в себе, искать причины своих неудач. А какие могут быть у ребёнка неудачи? В том-то и дело, что никаких. Так он их придумывает! Как взрослый. Вместо того чтобы просто веселиться, наслаждаться весенней погодой, пением птиц, бегущими ручьями, дети сидят дома в депрессии. Они не хотят на улицу, они не хотят общаться, они погружаются в свои мнимые переживания. Сочинение было на тему «Кто я?». И знаешь, дорогая, что общего у всех работ? Они не пишут о том, какими они видят себя, они пишут о том, какими их хотят видеть родители! Не то, что есть сейчас, а то, что должно быть потом. И для этого «потом» убивается нынешнее «сейчас». Ты меня понимаешь, дочка?

Учительница снова поправила очки и внимательно посмотрела на дочь.

Валерия сидела на диване, поджав под себя ноги. На её лицо легла тень.

– Да, мамочка, я слушаю. Просто сейчас я тоже сомневаюсь и копаюсь в себе.

– Интересно! И в чём же ты сомневаешься? – мать подошла и села рядом, положив руку на плечо дочери.

– Я думаю о Максе. Как ты считаешь, не рано ли мы решили пожениться? Может, нужно подождать ещё?

– Валерия, о чём ты говоришь? Ты же сама хотела свадьбу! Что случилось? Он тебя обидел? – Нина Александровна сжала плечо Леры.

– Ну почему сразу «обидел»? Нет, конечно! Он настаивает на подаче заявления каждый раз, как мы встречаемся. Мы решили пожениться в августе. Ещё есть время. Зачем спешить?

– На что есть время? Что ты задумала? – мать взяла дочь за подбородок и повернула её лицо к себе. – Посмотри мне в глаза.

Две пары зелёных глаз встретились. Грусть и удивление смешались.

– Расскажи-ка мне, доченька, обо всём, что тебя мучает.

– Мамуль, нечего рассказывать. У нас всё хорошо. Вот только... – Валерия замешкалась. – Я не знаю, как сказать. На свете столько мужчин высоких, темноволосых, синеглазых. Может, Максим – совсем не тот? Если я ошибаюсь? Если я сделаю неправильный выбор?

– Глупышка! Он – именно тот! Он надёжный, человек слова. Ты за ним будешь, уж извини за избитое выражение, как за каменной стеной. Он любит тебя! Знаешь, как трудно в жизни найти любовь? Это только в сказках они встречаются, влюбляются, женятся и живут долго и счастливо. В жизни всё намного, намного сложнее. К тебе пришла любовь, взаимная. Цени же это! Выбрось всё из головы и перестань копать там, где это не нужно! Скажи мне – что ты ждёшь от брака?

– Любви. Понимания. Заботы.

– Он всё это тебе даст! Уже даёт. Он будет отличным мужем и заботливым отцом. Посмотри, какая у него семья – образец для подражания! Он хорошо воспитан, не разбалован, и у него мужская профессия – защищать и охранять. Знаешь, не все мужчины готовы ради

других жертвовать своими жизнями, далеко не все. У него жёсткие моральные принципы. И он любит тебя, понимаешь, лю-бит!

– Да, я знаю.

– Доченька, ты любишь его?

– Да... Наверное, да.

– Я понимаю, тебе страшно. Всем страшно, когда принимается такое серьёзное решение. Ты боишься, не зная, как всё сложится в будущем. Никто не знает! Но, поверь мне, Максим – это именно то, что тебе нужно. Он – твоя судьба. Ты, может быть, не видишь этого сейчас, но ты поймёшь потом, когда пройдёт время. Поверь мне, я прожила в счастливом браке восемнадцать лет. Все эти годы, годы с твоим отцом, пролетели как один день, и я ни разу не усомнилась в правильности своего выбора. Всё, что он мне давал, – свою любовь, заботу, понимание, – я принимала не задумываясь. Когда случилось несчастье, только тогда я осознала, насколько мне повезло в жизни. Такая любовь редко встречается. И сейчас я понимаю, что те годы, что мы были вместе, сначала вдвоём, потом втроём, когда появилась ты, были самыми счастливыми в моей жизни. Но, поверь, перед моей собственной свадьбой и меня одолевали сомнения. Это нормально. Все через это проходят. Конечно, было бы проще, если бы мы знали, как всё будет в будущем. Но разве это было бы интересно? – Нина Александровна потрепала Леру по волосам. – Милая, улыбнись! Тебе несказанно повезло. Ваш брак, несомненно, будет счастливым!

Валерия подняла на мать влажные глаза и натянуто улыбнулась.

Глава 15

За окном май окончательно завладел городом. Берёзы покрылись, словно пушком, нежно-зелёными листочками. Жёлтые бутончики одуванчиков раскрылись, их стебли и листья торчали островками на молодой траве. Дикие яблони распустили бело-розовые цветы. Благоухание невероятное! Светило солнце, и птицы щебетали не переставая.

Ключ в замке повернулся, и дверь медленно открылась. На пороге появился Макс. Он быстро скинул лёгкую куртку, туфли, улыбнулся и заключил Валерию в свои крепкие объятия.

– Малыш мой, как же я соскучился!

С каждым поцелуем страсть накаляется, и вот он уже несёт её на кровать.

– Я не люблю тебя, – глядя ему в глаза, тихо говорит Валерия.

Макс не слышит её. Расстёгивая непослушными пальцами все пуговицы на блузке девушки, он распалается ещё больше, чувствуя её сопротивление. Его поцелуи обжигают, он задирает юбку, стягивает трусики и вторгается вглубь неё с неистовой силой. Движения становятся всё быстрее и быстрее, он стонет и рычит. Глаза Макса закрыты, щёки покрывает пунцовый румянец, на лбу – капельки пота. Он держит её железной хваткой, снова и снова насаживая на себя. Конвульсии пробегают по его телу, и он извергается в неё подобно вулкану. Ещё несколько движений – и его хватка ослабевает. Валерия отодвигается от него, смахивает слезинки, хлюпая носом.

– Малыш мой, ты моя судьба, я люблю тебя! С тобой невероятно!

Уже одетый, сидя на краю кровати, мужчина покрывает поцелуями её лицо, шею, руки, шепчет страстные слова любви.

Лера лежит на животе, обняв подушку и уткнувшись в неё головой. Её голос срывается:

– Нет, ты не понимаешь, я так не могу! Я люблю лишь половину тебя. То, что произошло сейчас, мне совсем не нравится! Я прошу – медленнее, нежнее, но ты не слушаешь меня! Всё снова происходит по-твоему! Мне неприятно, понимаешь? Я не хочу, чтобы так было всю жизнь! Я не хочу за тебя замуж!

– Малыш мой, я люблю тебя! Ты сводишь меня с ума. Я не могу себя контролировать, я теряю голову, как ты не понимаешь! Ты и только ты в моём сердце, в моих мыслях, во всех моих желаниях. И ты меня любишь, я знаю! Мы будем вместе! Каждая мечтает о таком сексе, как у нас. Спроси своих подруг! Ты просто ещё не привыкла! – поглаживая её по волосам, он хмурится, покусывает нижнюю губу.

– Я не хочу привыкать! Не хочу! – девушка соскакивает с кровати, накидывает халатик и набрасывается на него словно дикий зверь. – Я же сказала, что не хочу быть с тобой! Уходи! Я не хочу тебя видеть! Никогда!

Слёзы заливают её лицо. Макс встаёт с кровати и пытается обнять её, но она бьёт кулачками в его грудь, заставляя отходить к двери.

– Хорошо, если ты так хочешь, я уйду. Тебе действительно нужно успокоиться. Меня посылают в командировку на полтора месяца. Я приеду – и поговорим. Ты к тому времени успеешь заскучать без меня, – его желваки быстро заходили под кожей щёк.

– Нет! Я не хочу тебя видеть! Совсем! Всё кончено! Не приходи больше! – Лера с силой, взявшейся непонятно откуда, вытолкнула мужчину за дверь и быстро задвинула засов.

Звонок трезвонил несколько минут. Затем раздался стук кулака о железную дверь. И всё замолкло.

Валерия, заливаясь слезами, сползла по двери на пол. Она сидела, обхватив колени руками, рыдая, пока рыжий Стёпа не замыкал, касаясь шерстью её голых ног. Она обхватила его двумя руками, прижала к себе и, уткнувшись в густую шерсть, постепенно успокаивалась.

Глава 16

Среди панельных домов на улице Солнечной расположилась обычная дешёвая кафешка с пластиковыми разноцветными столиками и такими же стульями. На одной стене – постеры в тоненьких рамах с изображением овощей и фруктов, вдоль другой – стойка с готовыми блюдами.

В кафе вошёл юноша. Среднего роста, блондин, он окинул взглядом немудрёный интерьер заведения. Увидел девушку. Глаза тотчас же расширились, губы приоткрылись. Он сделал шаг в её сторону, но остановился, повернулся и направился к самому дальнему столику. Занял наблюдательную позицию и присмотрелся.

Она сидела у окошка, что-то писала в тетради или блокноте, он не мог разглядеть. Рядом стояла чашка. Отхлёбывая из неё, продолжала писать. Волнистая прядь русых волос упала на её лицо. Она заметила это и медленно заправила её за ухо. Да! Это был её профиль! Её силуэт! Это был уже второй раз, как молодой человек увидел её. Впервые – когда она шла по улице несколько недель назад, с высоко поднятой головой и мечтательной улыбкой на лице. Он сразу замер, не в силах отвести взгляда. Не смог заставить себя сделать шаг навстречу, так и стоял, глядя, как она уходит всё дальше и дальше, пока она совсем не скрылась из виду, словно туман, исчезающий к полудню. Несколько дней подряд он размышлял о том, как подошёл бы к ней, как заговорил. Он снова и снова прокручивал в голове сюжеты знакомства и корил себя за то, что упустил, быть может, единственный свой шанс. И вот удача – он снова её увидел! Этот шанс он уже не упустит!

Несколько минут он просидел, глядя на девушку и, набравшись смелости, быстро встал, подошёл к ней.

– Привет! Можно присесть?

Девушка окинула кафе взглядом. Посетителей не было, все столики стояли пустые. Затем посмотрела на молодого человека. Приятное лицо, светлая чёлка, каскадом падающая на высокий лоб, открытая улыбка.

– Я не возражаю.

Голос девушки оказался мягким и добрым.

Молодой человек сел напротив.

– Что ты пишешь? – проявляя неподдельное любопытство, он потянулся к блокноту.

– Я рисую, – она придвинула к нему рисунок.

На листе блокнота была нарисована улица, что видна из окна. Но, несмотря на то, что сегодня стояла прекрасная солнечная погода, на рисунке шёл дождь. Облачное небо стального цвета, мокрые дома, скамейки, прохожие. Он посмотрел на девушку. Она – на него. Уголки её губ опущены. Кудряшки растрепались. «Дождь, он в твоих глазах. Вернее, море! Изумрудный цвет моря! – подумал он. – Ты красива, даже когда грустишь!»

– Ты грустишь? – спросил он, и его серые глаза с пониманием посмотрели на девушку.

– Немного, – ответила она и смахнула непослушную прядь с лица, взяла в руки чашку с кофе, посмотрела в неё и поставила обратно.

– Кончился, – она вздохнула.

– Что ты хочешь – кофе, чай? Я угощаю, – уверенно сказал блондин.

– Спасибо, кофе. Кофе с молоком, – девушка посмотрела на него. – Я ведь даже не знаю твоего имени. Меня зовут Лера. Валерия, – поправила она.

– Ой, прости, – юноша закусил нижнюю губу. – Приятно познакомиться! Моё имя – Денис.

Он махнул официантке, скучающей у стойки.

Когда принесли две чашки ароматного чёрного кофе с молочной вспененной шапкой, девушка улыбнулась. Немного натянуто, и это было заметно. Захлопнула блокнот.

– Я учусь напротив, в институте искусств, оканчиваю первый курс. Рисование – моя страсть. А ты? Чем ты занимаешься? – Лера с любопытством посмотрела на юношу.

– У меня диплом через год. Стану инженером-конструктором. Живу неподалёку. Иногда захожу в это кафе. А ты живёшь тоже где-то рядом? С родителями?

– Да, совсем рядом. Живём мы с мамой вдвоём.

– Я тоже живу вдвоём, но не с мамой, а с бабушкой.

Его охватило желание рассказать этой грустной, невероятно красивой девушке о том, как увидел её впервые, мгновенно влюбился, думал о ней не переставая, но он сдержался.

– Почему ты рисуешь такую печальную картину? Домашнее задание?

– Нет. Это, видимо, моё внутреннее состояние. Я не хочу сейчас об этом говорить, – девушка опустила глаза и быстро отхлебнула из чашки. – Мне уже пора идти домой. Спасибо за кофе.

Она сложила блокнот и карандаш в сумку.

– Ну хотя бы кофе допей! – юноша смотрел на девушку такими просящими глазами, что отказать она была не в силах.

Допив, она посмотрела на него.

– Прощай, Дэн, – встала из-за стола и направилась к выходу.

– Постой, Валерия! – он выговорил её имя медленно, словно пробуя на вкус, и подумал: «Какое необыкновенное красивое имя», – и снова проговорил:

– Ва-ле-ри-я... Я тебя провожу, – быстрым шагом догнал девушку, взял её под локоть. – Сейчас расплачусь и пойдём, хорошо?

– Ладно, – голос девушки немного повеселел.

Всю дорогу Дэн старался отвлечь Леру от грустных мыслей. Несколько раз у него это получилось. Улыбка у девушки была открытая, мягкая. Весеннее солнце засветило ярче, и все краски окружающего мира стали сочнее.

– Вот мы и пришли, – Лера остановилась у подъезда многоэтажки. Слева от подъезда, распространяя пьянящий аромат, роняли розовые лепестки дикие яблони.

– Мы увидимся завтра? – смущённо спросил Дэн, рассматривая свои туфли.

Несколько секунд девушка смотрела на него, задумавшись.

– Почему бы и нет? – сказала она, будто бы сама себе.

– Во сколько завтра у тебя заканчиваются пары? – улыбка озарила всё его лицо, он смотрел Лере прямо в глаза.

– Я выйду в четырнадцать тридцать из главного входа института.

– Я буду ждать! – с энтузиазмом сказал он, тут же покраснел, замешкался и, быстро сказав «до завтра», пошёл в сторону остановки.

«Симпатичный этот Дэн, – подумала Лера, глядя вслед юноше. – Серые глаза – как грозовое небо, что я нарисовала. И низкий голос с хрипотцой... Пора перестать грустить. Может быть, мы даже станем друзьями».

Глава 17

Следующей ночью Валерии приснился странный сон.

Туманный город. Лера идёт по улицам совершенно одна. Туман настолько плотный, что кажется, можно его потрогать, и нет возможности понять, в какое время суток она здесь очутилась. Улица сменяется улицей, перекрёстки, дома... Она останавливается около одного из них. Лишь подойдя почти вплотную к серому, ничем не примечательному дому, девушка видит массивную старинную дверь, прикасается к ней – шершавая поверхность обдаёт холодом. Взявшись за ручку, похожую на причудливый цветок, поворачивает её сначала влево – ничего не происходит, затем вправо – что-то щёлкает внутри и дверь медленно начинает открываться. Лера оглядывается назад, в непроглядный туман, затем смотрит через едва открытую дверь в темноту дома и делает шаг вперёд.

Дверь бесшумно закрывается за ней, и девушка оказывается в просторном холле. Мягкий слабый свет струится из канделябров, висящих на стенах. Её охватывают запахи, проникают внутрь – запах дождя и первого снега, раннего утра и нагретого солнцем лета, свежескошенной травы и земляники – запахи самых приятных воспоминаний.

В центре холла – огромная винтовая лестница. Массивные балясины и перила цвета морёного дуба создают ощущение стабильности и роскоши. Широкие ступени обиты ковровым покрытием, каждый шаг по которому становится мягким и бесшумным. Лера поднимается на первую ступеньку, затем выше и выше. Её окутывает, словно туман, что остался за дверью, чувство узнаваемости, чувство повторения, дежавю.

Пройдя очередной пролёт лестницы, она остаётся на одном из этажей и идёт по длинному, словно бесконечному, коридору. Справа и слева – двери, огромные двери белого цвета. Туман снова следует за ней. Лера останавливается у одной из дверей, пробует открыть. Дверь заперта. В поисках ключа она осматривает себя – на ней строгое тёмно-серое платье и коротенький красный фартук. Фартук выбивается из общей атмосферы этого дома, как цветное пятно на чёрно-белой фотокарточке. Она замечает кружевной кармашек на фартуке и достаёт ключ, маленький, будто бы игрушечный, вставляет его в скважину, и дверь бесшумно открывается.

Она входит в комнату. Повсюду горят свечи – на полу, на стенах, на потолке. Причудливые блики гуляют по всему пространству этой странной комнаты. Воздух в ней движется, словно вибрирует.

Лера замечает зеркало – огромное, овальной формы, в раме из тёмного дерева. Вся комната отражается в нём под странным углом. Она с интересом оглядывает комнату, зеркало. Глаза девушки улавливают движение. В глубине этого причудливого зеркала она замечает тень, увеличивающуюся тень. Её охватывает чувство неизбежности, фатума. Валерия медленно оборачивается и видит силуэт, идущий ей навстречу. Туман следует за *ним*, приближая мрак и темноту. Она слышит *его* голос, нежный и властный, чувствует *его* запах, пьянящий запах страсти. Она испытывает одновременно непреодолимое желание быть с *ним* и смертельный страх. Страх парализует её. Она замирает.

Туман становится осязаемым, он окутывает всё вокруг. В этой вязкой серой субстанции даже её мысли начинают медленно, словно бусины в густом желе, тонуть одна за другой. Последняя мысль, готовая раствориться в сознании, – если *он* прикоснётся к ней, она умрёт. Желание бежать, не оглядываясь, из этой страшной комнаты и желание остаться одинаково больно отзываются в её теле. Её конечности сначала сковывает холод, моментально распространяясь повсюду, затем жар, словно от огня, опалает её кожу.

Он совсем рядом. Она слышит *его* дыхание. Сердце бешено колотится. Перед её взором начинают кружиться свечи, зеркала, *его* тёмные глаза, и она падает без чувств...

Проснулась она под утро, подмяв под себя простынь. Чувство страха не уходило.

Глава 18

Каждую ночь Денис долго не мог заснуть, вспоминая мелодичный голос, улыбку, озаряющую лицо девушки при их встрече, её ладонь в его руке. Он представлял в своём воображении, как обнимает её, как она отвечает на его поцелуи, как он прикасается к её бархатной коже, трогает кудряшки. Она снилась ему. Проснувшись утром с её именем на устах, он уже не мог не думать о ней в течение всего дня. Жизнь наполнилась мечтами, романтическими желаниями и фантазиями.

Никогда раньше он не был ни в кого влюблён. В школе, в третьем классе, девочка, сидевшая за соседней партой, привлекала его внимание, но это было совсем другое чувство. Даже однокурсники увидели изменения, происшедшие с ним. Они с любопытством расспрашивали его, кто же та девушка, что так воодушевляет его, но он лишь опускал глаза и загадочно улыбался. Словно крылья выросли за спиной – так было легко и радостно. Затем пришли сомнения. Настроение менялось за считанные минуты. Он мучился неизвестностью, жаждал ответного чувства, но боялся признаться, открыть своё сердце. Боялся, что, узнав о его чувствах, Валерия не захочет с ним встречаться и даже таким отношениям, как сейчас – их простой невинной дружбе, – придёт конец.

Сказочные сны превратились в обрывочные и тревожные, словно вытягивающие из него душу. Он просыпался раньше обычного, долго ворочался в постели и шёл в институт в состоянии, присущем больному. В течение дня вновь погружался в тяжёлые мысли, не слушая преподавателя, забывая конспектировать, забывая даже поесть в обед.

К вечеру, когда они встречались с Валерией, наступало блаженное время – время свободы от сомнений, всего на несколько часов, пока они были вместе. Она стала необходима ему, как растению необходимо солнце. Когда же солнце уходило домой, на него нападала хандра и грусть.

* * *

Бабушка, на чьих глазах внук сначала воспарил к небесам от счастья, а затем словно свалился на бrenную землю, исхудавший, с кругами под глазами, хмурила брови. На протяжении всех лет, что они прожили вдвоём, она знала, что у внука не было друзей, а уж тем более девушек. Это несколько настораживало бабушку. Она говорила об этом с внуком, они вместе мечтали о настоящем друге, помогающем в беде, и о прекрасной девушке, что станет любовью всей его жизни.

И в один прекрасный день – а день действительно выдался замечательный, тёплый, солнечный, – Денис пришёл домой радостно-возбуждённый, с горящими глазами. Он сбивался, рассказывая, какую необыкновенную девушку встретил сегодня. Бабушка радовалась вместе с ним – случилось! Денисик влюбился!

Прошло всего пару недель, и что же она видит? Её внук страдает! С этим надо что-то делать, решила бабушка и настояла на том, чтобы Денис пригласил Валерию к ним в гости.

Глава 19

Девушка нажала на звонок. Денис, широко улыбаясь, открыл двери. Войдя в однокомнатную панельную хрущёвку, где жили Серовы, Валерия оказалась в коридоре, обклеенном обоями в мелкий цветочек. На стене – вешалка для одежды и прямоугольное зеркало, в котором отражались белые крашеные двери ванной и туалета. Прямо по коридору, напротив входной двери, дверной проём, ведущий на кухню, слева от двери – комната. Между комнатой и кухней стояла бабушка. Маленького роста, с седыми волосами, собранными в пучок, в белоснежном фартуке, она вытирала руки вафельным полотенцем. Большие голубые глаза с серым оттенком излучали доброту.

– Здравствуйте, Валерия! – улыбаясь, проговорила она мягким, мелодичным голосом.

– Добрый вечер, Мария Петровна, – девушка улыбнулась в ответ. – Я бы хотела преподнести вам небольшой подарок.

Валерия извлекла из сумки баночку с тёмным содержимым.

– Мама готовит изумительное терновое варенье. Попробуйте, вам понравится! А это, – девушка протянула бабушке коробочку, завязанную праздничной лентой, – две чайные пары, чтобы вы пили чай и вспоминали наше знакомство.

– Доченька, спасибо! – бабушка направилась с подарками на кухню.

Лера последовала за ней.

На кухне, обклеенной теми же обоями в цветочек, у окна стоял холодильник «Юрюзань», точно такой же, что и в квартире Романцовых. Рядом – шкафчик для посуды, газовая плита, мойка, напротив – стол, накрытый клеёнкой, два стула и табуретка. Над столом в углу – полочка с иконами и свечами. Нижняя половина окна закрыта белыми шторами с рюшами.

«Как в деревенской избушке», – подумала Лера.

– Ну что же вы в кухне, проходите в комнату! Денис, проводи гостью, я сейчас! – бабушка быстро открыла коробку, вытщила фаянсовые чашки с розочками, поставила их на блюдца, поглядела, улыбнулась. Вымыла их, насухо вытерла и поставила снова на стол. Коробочку с ленточкой прибрала в шкафчик и направилась в комнату, небольшую, квадратов на пятнадцать.

Сразу у двери, справа, расположился диван-книжка, обитый чем-то вроде плюша зеленовато-бурого цвета. Девушка присела на него и посмотрела вокруг. Напротив двери, чуть левее, в углу, – рабочий стол с настольной лампой и разными непонятными механизмами, словно сваленными грудой на поверхность. «Это его рабочее пространство», – подумала она. Около стола справа стояло кресло бежевого цвета в крупную клетку. В нём, откинувшись на спинку и положив руки на подлокотники, сидел Денис. Его туманный взгляд замер на девушке. Она же продолжала рассматривать комнату.

«Видимо, это кресло раскладывается, судя по массивности и двойной подушке», – размышляла она. Повернула голову чуть левее. Большой тёмно-коричневый шифоньер занимал стены. Его обшарпанные углы хранили на себе следы множества переездов. «А ручки-то новые! Деревянные шарики! Раскрасить их в золотой и серебряный цвет – и хоть сейчас вешай на ёлку!» – Валерия улыбнулась своим мыслям.

Взгляд следовал дальше, изучая пространство. В правом углу у окна – невысокий комод. На нём телевизор, покрытый белой кружевной салфеткой. Далее – окно и балкон с открытой дверью. На широком подоконнике – множество цветочных горшков с геранью, алоэ, фиалками и другими, не известными Валерии, цветами, вьющимися до самого верха. «А это территория бабушки! Её пространство! А может, я ошибаюсь? Может, Денис выращивает цветы? Вот было бы забавно!»

Она посмотрела в глаза Денису и подмигнула. Он тотчас же покраснел и опустил голову.

В комнате было темновато, несмотря на светлый летний вечер. «Вечерами здесь не жарко, солнца нет, не то что у нас с мамой!» – её мысли прервались.

Бабушка вошла и щёлкнула выключателем. Стеклопанная люстра в центре потолка наполнила комнату приятным мягким светом. Старушка, легко наступая на вязанную из разноцветных лоскутков дорожку, подошла к окну и задёрнула тюлевые занавески. Стало уютнее.

– Валерия, я так рада познакомиться с тобой! – она присела рядом с девушкой на диван. – Расскажи, где ты живёшь, чем занимаешься? – она наклонила голову чуть набок и посмотрела на Леру.

– Живём мы вместе с мамой на улице Светлой, что совсем рядышком от вас. Учусь в институте искусств на художника. Очень люблю рисовать! С детства, – глаза Леры загорелись.

– А родители? Кто они? Мать, отец? Есть ли братья, сёстры?

– Я единственная дочь. Мама – учительница начальных классов в тринадцатой школе. Отец... – Валерия замешкалась, опустила глаза, затем снова их подняла и продолжила: – Папы не стало три года назад. Он работал на ремонтно-механическом заводе. Кран-балкой перегружали пакет стальных труб. Стропальщик резко крутанул эти трубы, кран тронулся, и груз ударил по газовой трубе. Докладывать начальству побоялись, решили, что ничего страшного не случится, а там трещинка в трубе образовалась. Наутро смена началась, кто-то, видимо, железом об железо задел – искра, взрыв, восемь человек погибло. Несчастный случай. Следователи потом разобрались, виновных посадили. Но папу не вернёшь, – глаза девушки, несколько минут назад светившиеся радостью, потухли.

– О, девочка моя, мне так жаль! – она мягко обняла Леру за плечи. – Право же, что за оказия! Денис, сходи-ка за газетами, я сегодня забыла их достать. У нас, знаете ли, в последнее время появился поджигатель. Увидит, что газеты в ящике, – бросает туда спичку. Ну скажите, куда это годится?

Юноша послушно встал и вышел в подъезд.

– Знаешь, дорогая, – продолжала она, обнимая девушку, – Денис ведь тоже без отца рос, да и без матери! Отец-то, как узнал, что будет ребёнок, так его и след простыл. Знаю только, что его Андреем звали. Где уж она повстречала этого Андрея, ума не приложу! – бабушка покачала головой. – Чужло моё сердце, не надо было её в город отпускать! Мы-то, Серовы, деревенские, из Фёдоровки. Катерина, доченька моя, как школу закончила, всё в город хотела, на врача учиться. Я и позволила. Она мне про ребёночка только спустя год сказала. Боялась, говорит, что сердиться буду, откажусь от неё. Вот глупенькая! Прошло несколько лет, и, – она вздохнула, – доченька моя, родненькая, умерла, атипичная пневмония. Быстро умерла, за месяц потухла как свечка...

Бабушка перестала говорить и посмотрела на Валерию:

– Может, тебе не интересно? Ты говори, если что не так, не стесняйся!

– Нет, что вы, мне очень даже интересно! Денис мне про свою семью ничегошеньки не рассказывал.

– Тогда слушай дальше, – бабушка откинулась на спинку дивана и продолжила.

– В пятилетнем возрасте Денис чуть в детдоме не оказался. Слава тебе, Боже, – она быстро перекрестилась, – разрешили мне его взять! Пришла я за ним – худенький, маленький, глазёшки серые, огромные. Говорю ему: «Я твоя бабушка, теперь мы будем жить вместе». Он посмотрел на меня серьёзно так и спросил: «Бабушка, а ты будешь меня любить?» Я тогда чуть не разревелась! Кровинушка моя! Сразу же продала свой дом вместе с хозяйством, потому что понимала – ребёнку нужно в городе жить, тут возможностей больше. Вот так мы и оказались здесь, в этой квартире. Мальчик рос тихий, спокойный, мечтательный. В детский сад не ходил, я сама его воспитывала – научила и писать, и читать. Сказки страсть как любил! Каждый вечер рассказывала! По музеям любил ходить. Один особо любил – музей техники. Сколько раз мы там были! Нас все работники знали. Гуляем с ним по городскому парку, а он меня всё в сто-

рону и в сторону уводит. А потом так удивлённо говорит: «Бабушка! Бабушка! Посмотри – музей! Давай зайдём!» Ну куда тут денешься? Покупаю ему игрушки – машинки, танчики... Что моя зарплата тогда – муськины слёзы! А он разбирает и разбирает. Тогда я и поняла, к чему у него влечение. В школе уж очень его хвалила учительница по математике! И по физике, и по химии – всегда пятёрки. Умничка моя! А когда Денисик поступил в институт на машиностроительный факультет, я так им гордилась! На первую стипендию купил мне цветы. Я даже расплакалась. Сейчас уже на четвёртом курсе. Мы вот уже шестнадцать лет вдвоём. Не должны дети без родителей расти! Неправильно это, не по-божески! Милые вы мои! Сиротинушки! – она отпустила Леру, отвернулась, смахнула слезу. – Пойду-ка я чай заваривать.

Быстро встав с дивана, она ушла в кухню. Денис вернулся.

– Как тебе бабушка? Не сильно замучила вопросами?

Юноша сел рядом и взял в свою руку ладошку девушки.

– Нет, всё нормально, она у тебя замечательная! – Валерия сжала руку Дениса.

– Да, бабушка для меня – всё. Она моя семья. Я ей всем обязан. Любопытная она, так это все бабушки такие! Но она добрая, ласковая, понимающая. Самая лучшая на свете! – воодушевлением светились не только глаза Дениса, он весь светился изнутри.

Они сидели втроём на маленькой простой кухне, пили обжигающий чай: Валерия – с молоком, бабушка и Денис – с вареньем из терновника, ели испечённый бабушкой манник и говорили, говорили, говорили... Истории бабушки лились плавно, мягкий голос завораживал. И Валерия чувствовала себя в эти мгновения так, словно очутилась в детстве среди любимых ею людей. На прощание она крепко обняла бабушку, поцеловала её в щёку, как родную. Бабушка гладила её по волосам и просила приходить почаще.

Глава 20

Чечня. Пустынная дорога. В машине двое военных. На пассажирском сидении спереди – мужчина среднего возраста, руки скрещены на груди, фуражка надвинута низко на глаза. За рулём мужчина помоложе, лет двадцати шести – двадцати девяти, на щеке – неглубокий порез от скулы до середины щеки. Его глаза открыты, но взгляд затуманен. Ожила рация.

– Триста тридцать пятый, базе ответь!

Капитан Морозов вздрогнул, поправил фуражку, взял в руки тангенту.

– Триста тридцать пятый на связи

– Там рядом с вами, на дороге в посёлок, машину с местными фугасом накрыло. «Двухсотые», «трёхсотые»... Давайте туда.

– База, принял. Макс, трогай, живо! – Морозов поправил автомат.

Лейтенант Бахарев, не дожидаясь команды, уже завёл двигатель.

Приехав на место, они увидели уазик, лежащий на боку в неглубоком кювете. Задняя левая часть кузова была разорвана взрывом; на дороге, в нескольких метрах за ним, виднелась воронка. Чеченских милиционеров снаружи не было. Если никто не выбрался из машины, – значит, все раненые тяжёлые.

– Макс, прикрываешь! Давай живенько, не копайся! – Морозов дёрнул затвор «ксюхи» и тяжело вывалился на дорогу, сразу пригибаясь к земле.

Бахарев выскочил из-за руля и укрылся за нагретым капотом. На мгновение мелькнула мысль: «А что если капитан не угадал с расположением засады и сейчас ему в спину полетят пули?» Но Морозов угадал. Спустя пять секунд после остановки машины кустарник впереди загрохотал очередями. Капитан открыл ответный огонь, падая на пыльную обочину. Макс тоже стрелял. Беспорядочно, не видя противника, он покрывал густую поросль градом пуль, пока не закончился магазин.

Листья и ветви вздрагивали от ударов, но никто не стрелял в ответ. Он ещё несколько раз судорожно нажал на спусковой крючок. Затем понял, что нужна перезарядка. Бросил пустой магазин себе под ноги и потянул полный рожок из под сумки. Сквозь оглушающую тишину услышал капитана:

– Бахарев, отставить огонь! Ждём.

Кусты не шевелились. Слух постепенно отходил от грохота, возвращались обычные звуки лета.

– Макс, глянь, что у местных, я прикрываю.

Лейтенант на ватных ногах, неуклюже, полупригнувшись, направился к чеченскому «козлику». Оказавшись за днищем, закинул автомат за спину. Наступил на вырванный из раздаточной коробки кардан, подтянулся, заглянул в проём оторванной взрывом левой пассажирской двери. Тела в форме лежали неподвижно. Тишину рассекло шипение. Макс резко опустился обратно в кювет и пригнулся. Шипение перешло в голос из динамика:

– Триста тридцать пятый, вы на месте?

«Рация в машине! По ней и передал своё последнее донесение кто-то из сидевших внутри. Видимо, передний пассажир, ему должно было достаться меньше всех. Некогда докладывать. В подлеске могут ещё оставаться “чехи”», – Бахарев привстал.

– Капитан, похоже нет «трёхсотых», одни «двухсотые».

– Ясно. Идём в «зелёнку», осторожно!

Они двинулись к кустарнику, приложив автоматы к плечу, поворачиваясь на каждый лесной шорох. Никого. Ушли.

Пройдя несколько метров по зарослям, Макс начал осматривать землю и ветви. Крови нет. Похоже, бандиты не собирались сегодня выходить на «бис». Взорвали узик с кяфирами, отсняли видео и ушли в горы – получать расчёт за выполненную «работу». Стреляли не прицельно, издалека, чтобы задержать и выгадать время для отступления.

– Макс, глянь сюда! – Морозов пинал траву носком ботинка.

– Что, товарищ капитан?

– Вон конец провода от нашего фугаса! – он резко обернулся в сторону дороги, пригнулся. – Ага, и просвет в кустах. Всё, поехали отсюда, пока не стемнело. Местные точно все «двухсотые»? Проверял?

– Пульс не щупал, но с виду вроде все. Не шевелятся. Там мясорубка такая, товарищ капитан! И запах этот...

– Привыкай, Макс. Это так война пахнет. Не порохом. Дерьмом.

Они вышли к машине.

– Докладывай на базу, лейтенант, а я всё же пощупаю им пульс. Вдруг что, а мы потом виноваты будем.

Глава 21

В один из летних вечеров, спустя почти месяц со дня знакомства, Денис и Лера встретились в городском парке. Солнце уже склонялось к закату, воздух наполнился вечерней свежестью. Могучие сосны, за день напоённые теплом летнего дня, отдавали его ароматом смолы и хвои. Валерия и Денис устроились на скамейке, уединённо стоящей в тени деревьев. Он держал её руку в своей. Вокруг царил тишина. Даже птицы, и те перестали щебетать.

Денис повернулся к девушке всем телом, посмотрел в глаза. Её изумительные глаза! Они снова поменяли цвет, став тёмно-зелёными, излучая спокойствие и доброту. Уголки губ слегка приподнялись – милая, обворожительная улыбка. Как он любил её сейчас! Она была так хрупка, так трогательно уязвима! Всё его естество наполнилось силой, желанием защитить столь неземное существо. Она казалась ему ангелом, спустившимся с небес. И в этот момент появилась храбрость.

– Я люблю тебя, – тихим голосом, почти шёпотом, сказал он и растворился в её глазах.

Щёки девушки зарделись. В глазах отразились последние лучи заходящего солнца. Она знала. Она всё видела по его взгляду, по движениям, по его поступкам. Она слышала его голос и понимала, как глубоко в нём чувство к ней. Ей нравился этот молодой человек – его серые задумчивые глаза, улыбка, озаряющая лицо. Он читал ей стихи из маленького сборника Ахматовой, впоследствии подаренного ей, цитировал Булгакова и Мопассана. Юноша с интересом слушал её мнение, высказывал своё, и они вели беседы на приятные для двоих темы. Он не принимал решения, не обсудив его, всегда оставляя за ней последнее слово. И ощущения, получаемые от Дениса, были другие. Лера чувствовала себя богиней, знала: его можно попросить о чём угодно. Он для неё был рыцарем, обожающим свою королеву, готовым сделать всё, не требуя ничего взамен.

Она хотела услышать это признание, очень хотела! Всё чаще приходили в голову мысли о том, что она почувствует при поцелуе, при первых ласках. Превратится ли он в зверя или останется прежним романтиком? Макс до сих пор тревожил её сердце. Это мучило её, и она приняла решение – оставить прошлое, начать всё сначала.

Лера потянулась к нему и обняла. Денис обхватил руками её тело, словно ребёнок, обнимающий маму, уткнулся носом в её пахнущие морем волосы, втянул запах свежести.

«Какое блаженство! Она не оттолкнула меня!»

Поцеловать её в этот раз он не посмел.

* * *

Позже, когда девушка уже была дома, она забралась на диван, подтянула к себе ноги и набрала номер Дениса. Длинный гудок, снова гудок. Волнение охватило её.

– Алло, слушаю, – голос Дениса, приятный, спокойный.

– Добрый вечер! – сказала и почувствовала, что дрожит. – Приходи ко мне.

– Конечно, приду, как и договаривались, завтра. Мы идём на выставку. Милая, ты забыла?

– Нет, не забыла, – она прикусила губу.

– Лерочка, что случилось? Тебе нездоровится? Я могу чем-то помочь?

– Я хочу, чтобы ты пришёл. Сейчас. На всю ночь.

Молчание. Лера ждала. Её бросало то в жар, то в холод. «Что он скажет? Решится?»

– Я буду, – хрипло прозвучал голос Дениса.

Девушка, не попрощавшись, быстро положила трубку, схватила рыжего кота, пристроившегося рядом, притянула к себе. Уткнулась носом в его длинную шерсть. Он не сопротивлялся, ему это даже нравилось.

– Стёпка! Рыжее чудище! Я снова влюбилась! Начинается новое необыкновенное приключение!

* * *

Прошло не менее получаса, прежде чем завершал дверной звонок. Валерия вздрогнула. Сердце замерло. Кот, лежащий у её ног, лениво поднял голову и посмотрел в сторону коридора. Встала, чуть не споткнулась о рыжее создание, лежащее поперёк кухни. Пошла открывать. С каждым шагом сердце отстукивало всё чаще и чаще.

На пороге – Денис. Лицо закрывает букет роз. Она берёт их и опускает. Лицо юноши красное, как цветы у неё в руках, и, кажется, он не дышит. Лера пошла на кухню, доставала вазу. Денис снял туфли, прошёл в комнату, сел на диван. Встал. Подошёл к окну, обернулся. Из кухни вышла Валерия, подошла к нему так близко, что он почувствовал её запах, обворожительный запах юной девушки. Он обнял Валерию двумя руками, его губы мягко обхватили её уста. Очень медленно Лера начала расстегивать рубашку на нём. С каждой расстегнутой пуговицей его тело раскалялось всё больше. Он сдвинул бретельку с её правого плеча, с левого. Она медленно стянула платье с груди, затем с бёдер.

Смотря на обнажённую Валерию, Дэн быстро скинул свою одежду, взял девушку на руки и отнёс её в кровать. Долго целовал каждый сантиметр её притягательного тела. Голова шла кругом, он не мог поверить, что всё это происходит на самом деле. Шептал и шептал её имя. Когда новая горячая волна желания пробежала по его телу, он почувствовал напряжение, исходящее от девушки. Она плотно сжала ноги. Он посмотрел на неё – глаза зажмурились, брови сдвинулись, уголки губ опущены. Даже руки, и те сжаты в кулачки.

«Не спешить, я не должен спешить!» – сказал он себе, едва сдерживаясь.

Он покрывал лёгкими поцелуями её живот, бёдра. Чуть раздвинул её ноги и стал ласкать языком самое сокровенное. И она расслабилась. Он почувствовал, как она возбуждается всё сильнее и сильнее. Рот приоткрылся, одна рука мяла простынь, другая то поглаживала его волосы, то впивалась в них. Валерия извивалась и стонала снова и снова, и он ощутил на губах вкус её страсти. Она готова! Он медленно вводил своё орудие вглубь неё, замечая каждое её движение, реагируя на каждый её стон. И вот он уже весь внутри. Невыносимая сладкая мука! Она ощущала то же самое. Он знал! Он чувствовал! Они двигались навстречу друг другу всё быстрее, всё неистовее, пока вместе не закричали от восторга. Наслаждение волнами пронизывало их тела снова и снова.

В изнеможении Лера и Дэн, не отрываясь друг от друга, замерли на влажных простынях. Несколько минут в блаженной неподвижности, и они снова ласкают друг друга. Это продолжалось всю ночь. Впервые он и она испытывали такие ощущения. Они отдавались друг другу без ограничений, без запретов, исполняя свои желания, без слов понимая каждое движение, каждый жест, каждый вздох друг друга.

Глава 22

Валерия в лёгком светло-зелёном платье кружилась и кружилась в такт музыке. Она была счастлива. Поток ветра через открытую балконную дверь, словно пальцами, перебирал бутоны роз в вазе на столе. Вальсируя, она очутилась у холодильника. Достала миску со свежей малиной. Отнесла в комнату и поставила рядом с собой на диван. Взяв в руки карандаш и блокнот, сделала несколько набросков. Задумчиво облокотилась на спинку дивана. Холодная сладкая ягода была так вкусна!

«Я снова влюблена! Теперь я знаю, что такое страсть. Это необыкновенно! Я чувствую себя любимой, самой любимой на свете! Он совершенно, совершенно другой, совсем не похож на Максима. Почему я до сих пор ничего не сказала маме? Каждый выходной приезжаю на дачу и никак не могу набраться храбрости. Нет смысла тянуть дальше. В выходные поедем вместе с Денисом. Познакомлю их. Он понравится ей, я уверена!»

Она представила Дэна, помогающего её маме собирать яблоки, его глаза, полные любви, и почувствовала тепло, спускающееся от сердца всё ниже и ниже. Зажмурилась от приятных ощущений.

Звук открывающегося замка двери приковал её к дивану. Она обернулась. «Макс! Ключи! Они до сих пор у него!» Волнение охватило её. Дверь открылась. Летние туфли, джинсы, рубашка, загорелое лицо. Максим Бахарев стоял на пороге. Что-то неуловимо изменилось в его облике. Невероятно красивыми синими глазами он охватил всю её фигурку и сказал:

– Здравствуй, малыш! Собирайся, мы едем в ЗАГС. Нас сегодня распишут, я обо всём договорился.

Твёрдый решительный голос, тот самый голос, что она полюбила когда-то.

Лера молча смотрела на него. Его глаза снова втянули её в себя. Она, словно кролик перед удавом, замерла и остолбенела. С усилием отвела взгляд. Затем гневно вскочила с дивана. Блокнот упал на пол, раскрылся, несколько листочков смялись на развороте.

– Зачем ты пришёл? Всё кончилось, уже давно! Я не хочу! Я не буду твоей женой! Отдай мне ключ! – голос звенел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.